

К 500/3
156
560345

635

Уч. зап.
ЧНИИ
Вып. 9.

А. П. КОВАЛЕВСКИЙ

ЧУВАШИ И БУЛГАРЫ

ПО ДАННЫМ

Ахмеда ион.-Фарлана

Уч. зап. Вып. 9.

ЧУВАШГОСИЗДАТ · 1954

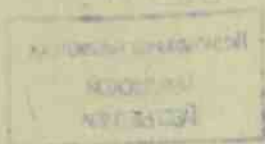
к 9(с)13
к56

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

А. П. КОВАЛЕВСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор

ЧУВАШИ И БУЛГАРЫ
ПО ДАННЫМ
АХМЕДА ИБН-ФАДЛАНА

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК IX

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ — 1954

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР.

560375

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

ПРОВЕРЕН
2010

ОТ РЕДАКЦИИ

И. В. Сталин учит, что „язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹. Если, таким образом, существует тесная связь между историей развития языка и историей народа, то, естественно, при отсутствии у народа древних исторических памятников данные языка могут пролить некоторый свет на его происхождение и развитие. О древнейших судьбах чувашского народа не имеется никаких местных письменных источников или, по крайней мере, они до нас не дошли. Но вот в этих затруднительных обстоятельствах пришли нам на помощь данные языка. В 60-х годах прошлого столетия лектор восточного факультета Петербургского университета Хусейн Фейзханов открыл чувашские элементы в надгробиях булгар. Разбирая надмогильные надписи, оставшиеся от древних волжско-камских булгар, он немало был изумлен сходством булгарских слов с нынешними чувашскими словами. Например:

булг. хир	هير	чув. хёр	девушка, дочь
„ айх	أیح	„ уйӑх	месяц
„ джял	تجال	„ ҫул	год
„ джюр	ور	„ ҫёр	сто
„ джиати	جياتی	„ ҫичё	семь
„ сакр	سکر	„ саккӑр	восемь и т. д. ²

На основании указанных языковых данных Хусейн Фейзханов первый высказал мнение о родстве чуваш с древними булгарами.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 22.

² Три надгробных булгарских надписи. Известия Археологического общества, IV, 395—404, 1863.

ЧУВАШИ И БУЛГАРЫ ПО ДАННЫМ АХМЕДА ИБН-ФАДЛАНА

Прошло пятьдесят лет с тех пор как вышло в свет известное сочинение Н. И. Ашмарина „Болгары и чувашаи“¹, в котором глубокий знаток чувашского языка на большом лингвистическом материале установил тесную связь этого языка с языком древних болгар. Тем самым по-новому был поставлен и вопрос о происхождении как чувашского, так и татарского народов. С тех пор в этой области работали многие ученые,—археологи, антропологи, этнографы и лингвисты. Итоги этих работ на известном этапе были подведены на двух научных конференциях². Было установлено, что и чувашаи, и татары представляют собою результат смешения коренного оседлого населения Среднего Поволжья с пришельцами из южных степей, оседавшими здесь в продолжение многих столетий. Такой же смешанный характер имеет и культура этих народов, причем не только в позднейшее время, но уже в эпоху до монгольского нашествия.

Вместе с тем однако следует самым решительным образом подчеркнуть, что вопрос о тождестве в прошлом чувашского и болгарского языков или об их диалектических различиях имеет самостоятельное значение. Нельзя смешивать язык и культуру, и тем более язык и расовое происхождение данного народа. Народ, носитель языка, может претерпеть глубокие изменения в этническом составе, в своем общественном строе и в своей культуре, но язык в основном может остаться тот же. „Язык,—говорит И. В. Сталин,—живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка“³. Это касается и тех случаев, когда население какой-либо страны восприняло язык другого народа. Если предки чуваш, коренные жители Поволжья, как входившие в состав болгарского государства, так и жившие вне его пределов, утратили свой язык и восприняли язык пришлых завоевателей болгар, то в результате этого, хотя они сами и не сделались булгарами, они все же начали говорить на настоящем болгарском языке. „Совершенно неправильно,—говорит И. В. Сталин,—было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается

новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает. Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития. Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его⁴.

Кто бы ни были предки чуваш в антропологическом отношении, каков бы ни был характер их культуры, раз они приняли язык болгар, их язык не сделался каким-то новым, третьим языком. Это был все тот-же болгарский язык, продолжавший „развиваться по внутренним законам своего развития“. Точно также, после того как основная масса населения болгарского царства в результате усиления здесь кыпчакского элемента стала говорить на татарском языке, этот язык должен рассматриваться как язык кыпчакско-татарской группы независимо от того, что его носители являются по своему происхождению коренным населением Поволжья, лишь отчасти смешанным с пришельцами.

Все же, если общие положения Н. И. Ашмарина о тесной связи чуваш и волжских болгар в области языка оказываются правильными, то частные вопросы формирования чувашского языка на основе болгарского, а также конкретные обстоятельства образования чувашского народа как такового остаются весьма неясными. Правда, археологи и этнографы сделали для ранней истории чуваш весьма много. Так, благодаря раскопкам П. Н. Третьякова на территории Чувашской АССР было установлено, что юго-восточная часть чувашских земель, область чуваш анатри, прочно входила в состав болгарского государства, она была отделена пограничными валами и на ней сидела болгарская феодальная знать⁵, в то время как чувашаи вирьял находились вне этих пограничных рубежей. Установлено также, что в результате нашествия монголо-татар и дальнейших разгромов болгарского царства в XIII—XIV веках население бежало не только на север за Каму, но и на запад в область чуваш, чем способствовало усилению здесь болгарского элемента. Этнографические данные также указывают с одной стороны на древнюю связь чувашского быта с коренным населением края, в частности с соседними марийцами, с другой стороны, особенно в южных районах Чувашии, на связь с бытом степных народов. К сожалению, такого рода

выводы носят слишком общий характер. Между тем письменные памятники более ранней эпохи Булгарского царства погипли⁶, а позднейшие татарские историки слишком мало знали о домонгольской эпохе, отчасти же сознательно вносили легендарный элемент, относя, например, принятие ислама булгарами к первым годам хиджры⁷ и тому подобное. О чувашах, как об особом народе в письменных памятниках до XVI века пока вообще никаких упоминаний не найдено.

Это заставляет нас с особенным вниманием относиться к тем скудным данным по истории Поволжья IX—XII веков, которые содержатся в сообщениях восточных авторов, особенно побывавших здесь лично, как напр., Ибн-Фадлан, ездивший сюда с посольством багдадского халифа в 921—922 годах, Ибн-Хаукаль, багдадец, побывавший в Булгарском царстве в середине или во второй половине X века, Абдулхамид ал-Гарнати, испанский араб из Гранады, побывавший в XII веке несколько раз на нижней и средней Волге и ездивший отсюда в Среднюю Азию.

Надо однако подчеркнуть, что сообщения этих авторов могут дать ценные сведения лишь при том условии, если в каждом отдельном случае будет произведено самое тщательное исследование в отношении как самого автора и его произведения, так и тех источников, которыми он пользовался, будет проделан критический анализ каждого данного места текста на основании возможно большего числа рукописей с привлечением параллелей из других сочинений того времени и т. д.

Ввиду этого автор данной работы ставит себе весьма ограниченную задачу—попытаться извлечь и критически обработать сообщения одного лишь арабского писателя, освещающие до некоторой степени вопрос о взаимоотношении чуваш и болгар в первой половине X века. Этот писатель, упомянутый выше Ахмед Ибн-Фадлан, написавший подробный рассказ о своем пребывании на берегах Волги в 922-ом году в качестве секретаря посольства багдадского халифа Джа'фара ал-Муктадира к царю волжских болгар Алмушу.

Такая работа становится возможной благодаря тому, что как сочинение Ибн-Фадлана, так и обстоятельства его путешествия на Волгу за последнее время подверглись более или менее детальному изучению. Общий обзор истории этого изучения за последние 10—15 лет, а также некоторых его результатов можно найти в статье А. П. Ковалевского „Вивчення подорожі Ібн-Фадлана на Волгу за Мешхедським рукописом“⁸. Там указана и соответствующая литература.

Первым условием для использования любого письменного исторического источника является, конечно, возможно более тщательная оценка достоверности заключающихся в нем сообщений. В статье того же автора: „О степени достоверности Ибн-Фадлана“⁹ дан некоторый итог оценки упомянутого писа-

теля именно с этой точки зрения. Результат получился вполне положительный. Он формулируется в следующих словах упомянутой статьи: „Итак, из всего сказанного можно сделать тот непреложный вывод, что Ибн-Фадлан относился весьма добросовестно к описанию всего того, что он видел и слышал. Правда, текст его рассказа дошел до нас далеко не в полном виде и не свободен от искажений. Однако, путем длительного и внимательного изучения многое может быть восстановлено“¹⁰.

Но если для общесторического исследования такой вывод является вполне достаточным, то при использовании данного памятника для более тонких филологических наблюдений необходимо учесть ряд весьма важных дополнительных обстоятельств.

Внимательно присматриваясь к некоторым деталям рассказа Ибн-Фадлана, мы имеем все основания предположить, что во время своего путешествия он вел некоторые записки о виденном им и слышанном, причем в дальнейшем, составляя свое произведение, он не старался вносить в эти записки редакторских изменений.

В этом отношении весьма характерно его сообщение о своем разговоре с местными жителями тотчас после приезда в страну болгар, когда он уже находился в местности около Трех Озер в шести километрах от Волги, но еще не успел побывать у этой реки. Здесь он передает слова своих собеседников, которые словом „Атъл“ называют не реку Волгу, а некое „место“ на берегу этой реки: „Если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Атъл,—а между нами и им расстояние пути менее фарсаха,—во время появления [утренней] зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи“ (М. 206а 7—8)¹¹. Когда позднее Ибн-Фадлан сам разобрался в обстановке, он подробно рассказывает об этих Трех Озерах и продолжает: „Между этим местом и их огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой Атъл, около фарсаха. На этой реке находится место рынка“ (208а 2—3). Однако прежнюю свою запись, где словом Атъл обозначалась не река, а некое „место“, он не счел нужным исправлять.

Подобное же отношение к редактированию своего сочинения мы видим у Ибн-Фадлана и в других местах. Так, он очень живо описывает, как местный муэzzин оправдывался перед ним, почему он в летнее время не читает положенной ночной молитвы. При этом этот муэzzин уверял строгого багдадского ревизора, что короткие ночи будто бы были еще короче до их разговора (205б 15—16). Это происходило 13 мая, и Ибн-Фадлан в дальнейшем мог легко убедиться в том, что ночи продолжали не увеличиваться, а укорачиваться еще более месяца. Однако, записав раз этот разговор, он уже не вносил в него никаких изменений. В первую же ночь по прибытии Ибн-Фадлан и его спутники были напуганы сильным северным

сиянием, показавшимся им в виде сражающихся в небе джиннов. Царь булгар, успокаивая своих гостей, тут же уверял их, что эти джинны сражаются каждую ночь, и что болгары их всегда таким образом видят (2056 11 и персидский пересказ у так называемого Ахмеда Туси¹²). И хотя Ибн-Фадлан в дальнейшем, конечно, далеко не каждый день видел это явление, он опять таки оставил свою запись без всякого изменения или замечания.

С другой стороны, рассказ об обряде похорон руса и другие подобные сообщения содержат такие подробности, которые Ибн-Фадлан вряд ли мог запомнить без записи. Точно также вряд ли он мог запомнить многочисленные названия рек, совершенно ему неизвестные и чуждые, не записывая их по мере того, как он их слышал. Между тем, основная масса записей этих названий у Ибн-Фадлана, повидимому, довольно точно отражает их местную фонетику, поскольку это возможно сделать посредством арабского алфавита. Таким образом мы можем считать, что он был достаточно добросовестен в передаче не только исторических фактов, но также и лингвистических данных, так что мы могли бы на них полагаться, если бы имели подлинное его сочинение, например, его автограф, особенно с огласовками собственных имен, которые в нем, вероятно, имелись¹³.

Так как этого автографа у нас нет, то возникает следующий вопрос,—в какой степени первоначальные начертания автографа Ибн-Фадлана сохранились в передаче позднейших переписчиков. В упомянутой выше статье „О степени достоверности Ибн-Фадлана“ посредством как косвенных доказательств, так особенно путем прямого сравнения с некоторыми позднейшими иранскими пересказами из Ибн-Фадлана было показано, что известная нам „полная“ редакция сочинения этого автора в действительности представляет собою сокращение. Это сокращение было произведено еще в десятом веке при дворе Саманидов неким просвещенным вельможей, составителем сборника, в основу которого было положено большое географическое сочинение Ибн-ал-Факиха с присоединением двух записок Абу-Дулафа и, наконец, сочинения Ибн-Фадлана. Эти редакционные пропуски, которые лишь в очень малой степени восстанавливаются по упомянутым персидским пересказам, являются, конечно, большой потерей для историка, но сохранившийся в сокращенном тексте лингвистический материал при этом едва ли пострадал и мог подвергнуться лишь случайным искажениям в процессе переписывания сочинения Ибн-Фадлана в упомянутый сборник.

Очень важным обстоятельством является то, что ни в то время, т. е. в десятом веке, ни в дальнейшем, вплоть до начала тринадцатого века, это сочинение никому не было известно, и, следовательно, не переписывалось. При дворе Сама-

нидов им, вероятно, пользовался ограниченный круг лиц придворной знати, а после падения Саманидов в 999-ом году оно осталось в частном владении может быть кого-либо из потомков тех же Саманидов. Во всяком случае знаменитый ученый географ и историк XIII века Якут познакомился с упомянутым сборником и содержащимся в нем сочинением Ибн-Фадлана лишь в двадцатых годах этого века в Средней Азии непосредственно перед монгольским нашествием. По его словам, в то время это сочинение было „в руках у многих“, иначе говоря, тогда уже имелись многочисленные его списки. Списки эти возникли, повидимому, незадолго перед этим, так как весь в целом сборник и содержащийся в нем текст Ибн-Фадлана раньше никем не был использован и вообще до того времени не сохранилось никаких следов знакомства с ним у других авторов. Упмянутые персидские пересказы XII и XVI веков восходят не к этому сборнику, а к не дошедшей до нас полной редакции сочинения Ибн-Фадлана. Итак, мы имеем все основания полагать, что переписчики XIII века списывали этот сборник непосредственно с какой-то рукописи X века, может быть первоначально прямо с оригинала.

Эти новые копии сборника имелись, конечно, и в тех замечательных библиотеках Хорезмского государства, которыми так восхищался Якут. Из них он особенно восхвалял библиотеки в городе Мерве. Для выяснения возможной судьбы известной нам Мешхедской копии сочинения Ибн-Фадлана излишне будет выписать из „Географического словаря“ Якута часть его рассказа об этих библиотеках: „Если бы не то, что произошло из-за нашествия татар на эти страны и их разрушение, я не покинул бы его [Мерва] до смерти из-за обходительности, мягкости и вежливости его жителей и множества книг по части основных наук, [находившихся] в нем. В то время как я его покидал, там было десять книгохранилищ—вакфов. Во всем мире я не видал подобных им по количеству и превосходству их... [Там же] библиотека Низам-ал-мулька ал-Хасана ибн-Исхака в его медресе. И две библиотеки, принадлежащие [семье] ас-Сам‘ани, и другая библиотека в медресе Амидийе, и библиотека Маджд-ал-мулька, одного из везиров позднейшего времени. Там еще библиотека Хатунийе, в медресе [того же имени], и Думайрийе в одной ханке там.. Из нее было легко получать: не покидали мой дом 200 томов и более [взятых из нее] без залога, а ценность их была 200 динаров. Я наслаждался там и заимствовал оттуда полезные сведения“¹⁴. На основании этого описания можно гадательно предположить, что первоначальная рукопись сборника X века в то время могла сохраниться, напр., в упомянутой здесь библиотеке ас-Сам‘ани, в других же местах, напр., в библиотеке Хатун имелись сделанные с нее копии.

Обращаясь теперь к тому сборнику географических сочи-

нений, который хранится в библиотеке при мечети Имама Ризы в Мешхеде в Иране и в котором содержится единственная дошедшая до нас копия сочинения Ибн-Фадлана, мы видим, что этот сборник, как и целая серия других рукописей, был пожертвован в это священное для мусульман-шиитов место в 1656/57 году неким Ибн-Хатуном¹⁵. Невольно обращает на себя внимание связь этого имени с названием мервской „библиотеки Хатунийе“, о которой говорит Якут. Перед нами, как будто, вырисовывается следующая картина. Данная рукопись находилась первоначально в Мерве в упомянутой библиотеке. Во время нашествия монголов библиотека в Мерве была, конечно, в основном уничтожена, но эта рукопись сохранилась, и, может быть, была увезена одним из потомков жертвовальницы в Иран и здесь, уже в XVII веке, передана в мешхедскую мечеть. Хотя, изучая эту рукопись, нам приходится пользоваться лишь ее фотографией, все же можно видеть, что она весьма стара, изъедена червями и потрепана¹⁶. Ее графика имеет определенно архаические черты. Так, конечная буква „лям“ имеет угловатую форму и напоминает конечное „кяф“, у конечных „б“, „т“ и „с“ (س) точки стоят у самого правого зубчика. Таково же положение точки и у конечного „нун“, причем самый изгиб этой буквы более развернут и приближает его к „зайн“. Таким образом эта рукопись вполне может быть отнесена к домонгольскому времени. Между тем на основании соображений, приведенных выше, мы пришли к выводу, что копии сборника, заключающего сочинение Ибн-Фадлана, которые в начале XIII века Якут видел „в руках многих людей“ в Средней Азии, были незадолго перед тем списаны с гораздо более старого экземпляра десятого века. Мешхедская рукопись как раз и подтверждает это тем, что в ней, как будет показано дальше, в конце слов буква „нун“ часто заменяет собою „зайн“ и наоборот. Это может быть объяснено только тем, что переписчик имел перед глазами еще более архаическую форму конечного „нун“, которая совсем мало отличалась от „зайн“. Это можно хорошо видеть на приложенной в конце таблицы форм этих букв за период от VII до XIII веков¹⁷.

Итак, есть некоторое основание предполагать, что нашу Мешхедскую рукопись отделяет от автографа Ибн-Фадлана всего одна копия, именно рукопись составителя среднеазиатского сборника, и что таким образом писавший Мешхедскую рукопись был вторым переписчиком текста сочинения Ибн-Фадлана. Несомненно, что Ибн-Фадлан писал свое сочинение в Багдаде, но экземпляр, попавший ко двору Саманидов, надо полагать, был написан или его собственной рукой или, во всяком случае, им самим просмотрен.

Если приведенные предположения и не могут быть нео-

провержимо доказаны, то все же в общем известная нам копия не может далеко отстоять от первоначального оригинала сочинения Ибн-Фадлана. Таким образом, точность передач лингвистических данных зависит главным образом от добросовестности переписчика Мешхедской рукописи и, выяснив особенности его недосмотров и описок, мы могли бы получить более или менее надежный материал. Надо, к сожалению, признать, что этот переписчик плохо знал арабский язык, часто не разбирал своего оригинала и в некоторых местах совершенно исказил текст. К тому же он относился к своему делу довольно небрежно и по возможности упрощал работу. Путем детального изучения манеры его письма, а также тщательного сопоставления различных мест рукописи удалось восстановить весьма многое, что касается собственно арабского текста. Но это же дает материал для суждения о том, какие искажения этот переписчик мог внести в местные неарабские слова, географические названия и собственные имена. Поэтому остановимся на тех особенностях манеры его письма, которые имеют прямое отношение к нашей задаче¹⁸.

1. Переписчик довольно часто пропускает диакритические точки над и под буквами. Если в неарабских собственных именах встречаем лишние точки буквы **ع** и **ح**, которые обозначают чисто арабские звуки, то, очевидно, следует читать **ع** и **ح** с точками над ними или же **ح** — „джим“ с точкой внизу. Напр., название рек **باجاع** (203а 7) — Моча, и **وتيع** (203б 4) — Утка должны читаться **باجاع** и **وتيع**, а река **سوح** (203а 7) — Сок, как **سوخ**. Когда же точки отсутствуют у других букв, обозначающих не специфически арабские звуки, то эти точки могут быть восстановлены лишь с большей или меньшей вероятностью.

Сюда же следует отнести случай замены „й“ через „б“. Так, например, в титуле болгарского царя — „йылтывар“ переписчик систематически ставил под начальной буквой вместо двух точек одну, т. е. вместо „й“ — „б“.

2. Перестановка точки из положения под строкой над строку или перенесение с одной буквы на другую. Так, вместо **كنال** — Кинель, получилось **كبال** (208а 7) — „Кибал“ и вместо **نياسنه** — Ниясна — **نياسنه** (208б 4) — „Бинасна“. Здесь к тому же две точки под „й“ заменены одной. Комбинацию пропусков точек с перестановкой имеем в названии реки Яик. Здесь в первоначальном начертании **جيج** — „Джайх“ все точки опущены, кроме одной, которая переставлена так, что получилось **حج** (203а 4). Поэтому, например, название реки Майвы — **بایاخ** (203б 4) мы можем прочесть, учитывая некоторые дополнительные соображения, как **بایاخ** — „Байнах“.

При этом следует сделать весьма важное замечание, что переписчик нигде от себя лишних точек не ставил¹⁹.

3. Что касается смешения конечных букв „н“ и „з“, то этот вопрос требует особого внимания. Как уже говорилось, в самой Мешхедской рукописи изгиб буквы „н“ несколько более развернут и точка стоит над правым его краем, так что эта буква по своей форме приближается к „з“. Однако все же здесь, кроме одного-двух случаев, эти буквы ясно различимы. В то же время, как сказано выше, в том оригинале, с которого Мешхедская рукопись списана, конечная буква „н“, очевидно, так мало отличалась от „з“, что переписчик их явно путал, особенно, конечно, в незнакомых ему чужих именах.

Вот относящиеся сюда случаи:

1) Название города в Средней Азии Афирабр написано как *أفرین* (1976 2). В первоначальном начертании стояло, конечно, *أفر بر*. Предыдущий переписчик по ошибке переставил точку с „б“ на „р“ так, что получилось — *أفریز*. Переписчик Мешхедской рукописи это рабски списал, заменив однако конечное „з“ на „н“.

2) Название реки Иргиз написано *ازحن* (203а 7). Так как буква *ح* обозначает чисто арабский звук, то здесь первоначально стояло *ح*, причем точка, стоявшая над этой буквой, съехала на предыдущую букву „р“. Кроме того, конечное „з“ переписчик прочитал, как „н“. Следовательно первоначальное чтение было — *ارخز* „Ирхиз“.

3) Название одной небольшой реки в стране болгар написано в Мешхедской рукописи *جاوشبن* (203б 4), т. е. „Джаушын“. Мы не могли бы судить о правильности этого начертания, если бы в дальнейшем тексте эта же река не была бы дважды написана как *جاوشیر* (208б 10 и 208б 16) — „Джаушыр“. Превращение буквы „р“ в „н“ могло произойти только через промежуточную букву „з“, т. е. в первом случае в оригинале должно было стоять *جاوشیز* „Джаушыз“.

4) Название одного народа в царстве болгар в Мешхедской рукописи пишется *سوان* (208б 11) — „суван“. Название это у Ибн-Фадлана, к сожалению, больше не повторяется. Однако в болгарском царстве несколько позднее хорошо известно название города *سوار* — „Сувар“. Так как мы уже видели ряд примеров, когда в Мешхедской рукописи конечное „н“ стоит на месте прежнего „з“, то и здесь можно с уверенностью утверждать, что в оригинале переписчика здесь стояло не „суван“, а „суваз“, т. е. как бы „сувар“, но с точкой над „р“ *سواز*. В правильности такого вывода мы можем убедиться при

разборе аналогичной формы у ал-Идриси, о чем речь будет ниже.

Из приведенных случаев, конечно, не следует, что в Мешхедской рукописи в местных собственных именах конечное „н“ всегда является искажением „з“. Для установления такого факта, как мы видели, должно быть особое основание, а именно наличие „р“ в параллельных формах. Так, напр., этого нет в названии рек Черемшан—جرمسان (2036 3) и реки Урень—اورن (2036 3).

Вместе с тем установление факта превращения в том или ином случае буквы „з“ в букву „н“, хотя и представляет некоторые трудности, но зато, если мы такой факт установим, он приводит к надежным выводам. Именно, в таком случае мы можем быть уверены в том, что точка над буквой „з“ не случайна, но была уже четко обозначена по крайней мере в предыдущей копии сочинения Ибн-Фадлана, то-есть предположительно еще в тексте десятого века.

Обратное явление написания „з“ вместо „н“ в Мешхедской рукописи встречается только в арабских выражениях²⁰.

Что касается огласовок, то, конечно, в Мешхедской рукописи их почти нет. Лишь изредка переписчик ставит над начальным алифом знак долгого „а“—мадду. Это мы видим в названии среднеазиатского города Фирабра—„Афирабр“ (1976 2) и в названии Волги—„Атъл“ (208а 3, 209б 18, 210а 11). Однако и здесь переписчик непоследователен,—есть у него начертания последнего названия и без знака мадда (206а 7). В последнем случае мы могли бы читать Итиль. Иногда переписчик ставит знак удвоения—шадда, напр., над конечным „вав“ в названии хмельного напитка у булгар „суджув“. Возможно, что в оригинале Ибн-Фадлана все малоизвестные слова были огласованы. В этом отношении представляет интерес одна мешхедская рукопись первого тома „Географического словаря“ Якута, копия которой имеется в Рук. отделе Инст. востоков. Ак. Наук СССР²¹. В этой рукописи, как и в ее копии, весь текст сплошь огласован, в том числе и все собственные имена. Правда, огласовки весьма небрежны, причем, конечно, неизвестно, восходят ли они к оригиналу самого Якута. Хотя в имеющемся здесь первом томе сочинения Якута содержатся как раз нужные нам выписки из Ибн-Фадлана в статьях—„Итиль“, „Башкиры“ и „Булгары“, но значительная часть интересующих нас слов в выписках Якута вообще отсутствует. Все же огласовку титула йылтывар я беру из этой рукописи.

Учитывая указанные особенности графики Мешхедской рукописи и некоторые дополнительные соображения, мы можем извлечь из сочинения Ибн-Фадлана следующие языковые данные

из области Восточной Европы как болгаро-чувашиские, так и относящиеся к другим народам.

Названия рек и озер:

1) Джайх (Яик); 2) Чаха (Чаган, правый приток Яика); 3) Ирхиз (Иргиз); 4) Бачаг²² (Моча); 5) Самур (Самара); 6) Кинал (Кинель); 7) Сух (Сок); 8) Кунчулу (Кундурча); 9) Дж(ч)арамсан (Большой Черемшан); 10) Уран (Урень); 11) Урай; 12) Байнах или Пайнах (Майна); 13) Ватыг или Ватйаг (Утка); 14) Нийасна (Неясловка); 15) Джаушыз или Джаушыр (Гаушерма?); 16) Хёллече (Три озера: Чистое, Курышевское, Аманское); 17) Атъл (Волга)²³.

Названия народов и племен:

18) Башгард (башкиры); 19) русийа (русы); 20) вису (весь, народ у Белого Озера); 21) саваз или суаз (народ, предки чувашей); 22) болгар (племя); 23) эскэл (племя); 24) Барандж(ч)ар („домочадцы одного дома“).

Титул:

25) Йылт(д)ывар (Эльтэбэр).

Собственные имена лиц:

26) Алмуш или Эльмуш (царь болгар); 27) Шилки (его отец); 28) Башту (отец хазарина, посла царя болгар к халифу); 29) Барас или Барс („отрок“ халифа, болгарин); 30) Т(д)алут (отец семейства, болгарин); 31) Выраг или Вырыг (вождь партии недоброжелателей из народа саваз).

Выражения, относящиеся к быту:

32) Суджув или сажув (напиток из меда); 33) Сахрадж(ч) (ковш, кубок); 34) Предполагаемое название яблок „девичьи яблоки“.

Из этого материала я привлекаю к данной работе главным образом те данные, которые так или иначе могут осветить вопрос о ранней истории чувашского народа в его взаимоотношении с волжскими булгарами.

Если Н. И. Ашмарин в указанной выше работе обосновал общее тождество чувашского и болгарского языков, то в дальнейшем стал вопрос о наличии диалектов в этом общем языке и о месте среди них древнечувашского. Изучению этого вопроса также положил основание Н. И. Ашмарин. Сравнивая данные поздних болгарских надписей (XIV века) с данными живого чувашского языка, он пришел к предположению, „что в болгарском языке того времени существовали местные говоры, отличавшиеся один от другого некоторыми особенностями“²⁴. Непосредственным поводом для такого высказывания послужили варианты полных окончаний порядковых числитель-

ных: чувашские—ăмăш, ёмёш, и болгарских надписей—ăнăш, ёнёш. Последние в чувашском отсутствуют, но имеются их сокращенные формы на -ăн, -ён²⁶. Понятно, что вопрос о диалектах древне-болгарского языка весьма важен и имеет прямое отношение к истории формирования чувашского народа.

Между тем болгарские надписи сами по себе, без привлечения живого чувашского языка, даже при самом тщательном изучении вряд ли могут дать материал для установления отличий древнего чувашского диалекта от болгарского. Памятники эти поставлены над умершими мусульманами, а чувашаи, как известно, упорно не принимали мусульманства. Если же они и принимали ислам, то в дальнейшем окончательно теряли свои языковые и этнические особенности. К тому же упомянутые надписи относятся к сравнительно поздней, послемонгольской эпохе, когда уже сильно было кыпчакское влияние и вся обстановка совершенно изменилась. Об этом еще будет речь дальше.

Другое дело восточные, главным образом арабоязычные, авторы, писавшие о народах и странах Среднего Поволжья до нашествия монголов. Те из них, которые побывали на месте, могли записывать географические названия, личные имена и отдельные слова так, как они их слышали, иногда непосредственно от местных жителей. Варианты их написания дают материал для суждения о диалектических различиях или может быть об изменении слов с течением времени. В дальнейшем изложении я постараюсь привести ряд таких вариантов.

Основной особенностью чувашского языка является то, что он не имеет в своем составе звонких звуков, а лишь глухие и полувзвонкие. Все исследователи согласны с тем, что это очень древняя особенность. С. Е. Малов, относя ее к древнетюркским временам, полагает, что „исходя из этого, чувашский язык можно считать одним из древнейших тюркских языков“²⁶. Это имело бы основания, если бы можно было установить, что болгарский диалект как на Волге, так и в более ранние времена в степях, также обладал этой особенностью. Именно этого мнения держался не кто иной, как Н. И. Ашмарин²⁷. Однако факты все же говорят против этого предположения. Прежде всего самое название „болгар“, „булгар“, засвидетельствованное славянскими и иными памятниками, четко различающими звуки „б“ и „п“, „г“ и „х“, показывает, что древние болгары не произносили своего имени на чувашский лад „пăлхар“. Это же касается и ряда других слов, например, заимствованных из болгарского в венгерском. Таким образом древний чувашский диалект все же отличался от болгарского своими глухими согласными и нет основания полагать, что это была древнетюркская особенность. Повидимому, она относится к тому языку, на котором предки чувашей говорили до принятия болгарского языка. Подобно тому, как в новое время,

воспринимая слова русского языка, чувашки превращали звонкие согласные в глухие или полувзвонкие, точно так же они ослабили звонкие согласные усваиваемого ими болгарского языка.

К сожалению, показать это фонетическое различие для X века пока что довольно трудно. Отчасти это зависит от того, что арабская графика не различает звуки „б“ и „п“, „дж“ и „ч“. Кроме того, восточные путешественники, например, Ибн-Фадлан, находясь на берегах Волги, зависели от своих информаторов и переводчиков, которые могли произносить слова на свой лад, внося элемент звонкости. Так, у Ибн-Фадлана, наряду с древним названием реки Майны „Байнах“ с конечным глухим „х“, имеем название реки Утки—„Ватыγ“ и собственное имя вождя оппозиционной партии „Вырăγ“ с конечным звонким фрикативным „γ“. Между тем, поскольку эти слова относятся к древней территории чувашского племени, мы ожидали бы в конце именно глухую согласную. Следует, однако, учесть, что Ибн-Фадлан несомненно слышал, по крайней мере, последнее имя в ставке царя. Поэтому конечные звонкие согласные в данном случае могут быть отнесены за счет произношения окружавших его болгар. Зато весьма яркой диалектической особенностью последних двух слов является форма начального „Вă“ и „Вы“, резко отличающая их от первого слога названий двух рек, лежащих немного более на юг,—„Урăм“ и „Урăн“. Исходя из предыдущих форм, мы и здесь ожидали бы „Варăм“ и „Варăн“²⁸. Но мы этого не имеем. Можно, конечно, предполагать в арабском тексте описку—*وارن* вместо *اورن*. Однако, учитывая современные названия этих же рек, приходится признать, что в их начертании в Мешхедской рукописи вернее всего сказывается язык других тюрок. Эти формы были закреплены усилением кыпчакского элемента. Ведь в новейшее время и река „Утка“, имевшая болгарскую форму „Ватыγ“, стала произноситься по-татарски „Удга“.

Заканчивая описание своего путешествия из Багдада в болгарское царство, но еще не приступив к описанию того, что он видел на новом месте, Ибн-Фадлан дает перечисление всех рек, через которые переправилось посольство, начиная от реки Яика. Последними в этом списке стоят реки Майна, Утка, Ниясна (Неясловка) и, наконец, река, которую автор здесь называет Джаушыз. Правда, конечное „з“ в Мешхедской рукописи в данном случае заменено буквой „н“. Но это как раз и гарантирует первоначальность этого „з“ или, во всяком случае, его наличие в более ранней рукописи, вероятно, еще десятого века.

Из сочинения Ибн-Фадлана известно, что во время его прибытия к берегам Волги ставка царя болгар находилась

в местности Трех Озер, ныне Чистое, Курюшевское, Атманское. Отсюда следует, что до своего прибытия к царю он реки Ниясны еще не переезжал. Тем более он тогда еще не побывал на реке Джаушыз, которая, очевидно, лежала где-то дальше на севере или востоке страны. Хотя он побывал на этих реках уже позднее, во время своего путешествия с царем на съезд болгарских племен, который произошел как раз на берегах этой последней реки, все же ее название в данном месте своего рассказа Ибн-Фадлан передает, возможно, в той форме, в которой он услышал его впервые, именно в форме с конечным „з“—„Джаушыз“. Описывая в дальнейшем свое пребывание на этой реке, он дважды называет эту реку уже с конечным „р“, т. е. „Джаушыр“ (2086 10, 16). Так как известно, что звуку „р“ болгаро-чувацкого языка в остальных тюркских языках во многих случаях соответствует звук „з“, то можно предположить, что в данном слове форма с „з“ объясняется произношением среднеазиатских тюрок, сопровождавших Ибн-Фадлана²⁹. Это объяснение вряд ли может быть оправдано, учитывая, что эта речка находилась в северной области болгарской территории. Вряд ли приезжие тюрки, произнося какое-либо местное название реки или племени, ни с того ни с сего стали бы произносить имеющийся в нем звук „р“, как „з“, тем более, что в их собственном языке звук „р“ самый обычный. Если бы эта река находилась где-либо далеко на юге, напр., на караванной дороге в Среднюю Азию, то степняки могли бы называть ее как-нибудь на свой лад. Так, например, мы это видим в отношении реки Кундурча в XIV веке, о чем речь будет ниже. Но в данном случае гораздо вероятнее, что две формы названия этой реки—Джаушыз и Джаушыр—отражают два различных произношения местного населения болгарского царства.

Для подтверждения этого предположения весьма важно следующее наблюдение Н. И. Ашмарина³⁰. В чувашском языке „вар“ значит „овраг“, а также „живот“, „желудок“, „внутренности (человека)“. Иордан сообщает, что гунны этим словом называли реку Днепр. В других тюркских языках этому слову закономерно соответствует форма с „з“ („Озу или „Узу—древнее тюркское название Днепра, „озак“, „өзök— „внутренность“, „чрево“, „грудь“, „речка“ и т. п.).³¹ Однако в чувашском языке есть и другое слово этого же корня—„васан“ (в современном произношении „с“ слабо озвучено)—„лощина, неглубокое отлогое сухое русло, по которому в дождь и весною течет вода“. Этому слову в других тюркских языках соответствует „узан“, „озан“ и т. п. Казалось бы, что в чувашском языке соответствующее слово должно бы произноситься, как „варан“. Однако здесь мы все таки имеем звук „с(з)“—васан³². „Последнее слово,—замечает по этому поводу Н. И. Ашмарин,—любопытно

в том отношении, что оно доказывает весьма наглядно тот смешанный характер фонетических явлений, который уже давно замечен исследователями в языке чуваш³³. Однако Н. И. Ашмарин все же нашел обе эти формы, и „васан“ и „варан“ в географических названиях центральной части Булгарского царства. Именно, название озера Еган-Базан³⁴ он восстанавливает как древнее название, которое по-чувашски звучало бы „юхан васан“, и название реки Баран³⁵ (правый приток Майны), представляющее форму „варан“. Таким образом перед нами два диалектических варианта одного и того же географического термина, сохранившихся на сравнительно небольшой территории. Варианты эти древние, так как обе формы с начальным „ва“ типично булгаро-чувашские.

К этой же географической номенклатуре можно добавить еще одно слово, отражающее то же диалектическое расхождение в древнем булгаро-чувашском языке, именно чувашское — „тинёс“ (море). Непосредственно из булгарского оно нам неизвестно, но заимствованное из булгарского венгерское слово *tenger* доказывает, что это слово в булгарском имело конечное „р“³⁶.

К той же категории „исключений“ относится и слово „куҫ“ (глаз). В других тюркских языках конечная согласная этого слова — „з“³⁷, так что в чувашском языке мы ожидали бы „р“. Какая форма имела в булгарском языке неизвестно.

Что касается реки Джаушыр(з), то сейчас она, повидимому, сохранила свое название в булгаризированной форме со звуком „р“ — Гаушерма. Это, как увидим дальше, определилось ее положением на северо-восточной окраине булгарского царства. Другой пример аналогичного двойного названия имеет на южной окраине Волжской Булгарии, именно „Кундурча“ и „Кундузча“. В настоящее время это название в первой своей форме обозначает реку, вливающуюся в реку Сок, левый приток Волги у Самарской Луки. Обе формы этого названия встречаются у авторов, описывавших поход Тимура против Тохтамыша в 1391 году, причем разгром Тохтамыша произошел именно в этой местности³⁸. Второй вариант с „з“ отражает кыпчакское произношение, первый же вариант „Кундурча“ — местный, поскольку он сохранился и в наше время. Однако, этот последний может быть отнесен к несколько более позднему времени (XI—начало XIII в.), когда влияние Булгарского царства было здесь наиболее сильным. При Ибн-Фаллане название этой реки звучало как-то иначе, вроде „Кунчулу“ (203а 7), т. е. на месте „з“ и „р“ стояло „л“. Таким образом бытование тех или иных названий зависело от смены различного населения этой местности.

Варианты более ранних форм названия болгар — „булгар“ и „баргаз“, как увидим далее, дают основание видеть диалектические различия у булгарских племен, живших еще на се-

верном Кавказе и Приазовье. Однако, оставив в стороне общие вопросы тюркских языков на всем пространстве расселения этих народов и их разделения на хазаро-булгаро-чувашскую группу и группу башкиро-татаро-кыпчако-мишарскую, — эти, как говорит С. Е. Малов, „два особых языковых мира“³⁹ — ограничимся узкими пределами Поволжья. Следует признать, что в отношении болгарского языка, скажем, десятого века отмеченные звуковые варианты представляли частные особенности сложившихся здесь местных диалектов. Конечно, в основном эти особенности зависели от того, что еще во время и до прихода сюда болгар в эти же места проникали тюрки и „р“ и „з“ языковых групп. Однако соответствующие „з“ в местных диалектах не всегда обязательно тюркского происхождения. Возможно, что они имелись в местных словах добулгарского населения, причем потом „обулгариваясь“, эти звуки частично переходили в „р“, частично сохранялись.

К названиям, отражающим эти диалектические различия внутри самого Булгарского царства на Волге, относится название некоего народа „саваз“, или „суаз“, упомянутое Ибн-Фадланом в рассказе о съезде болгарских племен для принятия ислама. Название это в Мешхедской рукописи написано سواں — „свāн“ (208б 11), но по приведенным выше соображениям конечное „н“ безусловно должно читаться как „з“. При этом вряд ли можно сомневаться в том, что это название по своему происхождению тождественно с названием болгарского города Сувар, о котором упоминают арабоязычные авторы еще 10-го века, как-то ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, ал-Мукаддаси и другие, имя которого значится на чеканившихся в нем монетах и которое сохранилось до наших дней у татар и чуваш за теми селами на берегах реки Утки, где он когда-то находился.

Самый факт искажения в этом слове конечной буквы „з“ в „н“, как было сказано выше, подтверждает, что начертание „з“ здесь стояло в предыдущей копии сочинения Ибн-Фадлана, предположительно еще X века. Нет никаких оснований сомневаться в том, что оно не восходит к автографу. Отсутствие точки над буквой еще можно было бы объяснить невнимательностью какого-нибудь переписчика, но постановка новой точки в слове совершенно незнакомом переписчику мало вероятно.

Не придавая особого значения этому диалектическому варианту в своих прежних работах, я склонен был отнести его за счет произношения сопровождавших Ибн-Фадлана среднеазиатских переводчиков.

Между тем среди научных работников Чувашской АССР возникло предположение, что упомянутое у Ибн-Фадлана название племени „саваз“ или „суаз“ не что иное, как древняя

форма названия народа чăваш. Так, В. Г. Егоров в своей докторской диссертации „Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении“, высказал мнение, что название народа чуваш представляет собою племенное название одного из тюркских племен—суваз, поработивших местное население данного лесного района. При этом он ссылается, с одной стороны, на форму этого имени у Ибн-Фадлана в Мешхедской рукописи, а с другой на марийское название чуваш „суасла мари“, на которое в свое время обратил особое внимание Н. И. Ашмарин. „Слово суваз,— говорит В. Г. Егоров,— в устах дотюркских чуваш легко могло получить форму чуваш или шубаш (ср. Шубашкар—главный город Чувашской республики, букв. селение или город шубашей)“. (См. „Автореферат“ указанной диссертации, издание Чувашского гос. педагогического института, Чебоксары, 1951 г., стр. 6)⁴⁰.

То же мнение о тождестве названия народа „сăваз“ десятиго века с позднейшим „чăваш“ с полной определенностью высказал сотрудник Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории П. Г. Григорьев в статье „Чăваш халăх историйĕ çинчен калакан сĕнĕ материалсем“, помещенной в газете „Чăваш Коммуни“ за 14 июля 1951 г. № 136 (8532). Эта статья в целом содержит обзор результатов работ сессии Акад. наук СССР 30—31 января 1950 г., посвященной вопросам истории чувашского народа. Изложив общие выводы доклада В. Г. Егорова „Этногенез чувашей по данным языка“ и отметив, что, повидимому, на Средней Волге из смешения различных местных племен образовалось „большое племя сувар (суаз), имевшее в государстве волжско-камских булгар большой город Сувар“, П. Г. Григорьев ссылается на соответствующее место у Ибн-Фадлана. Однако, сопоставляя, древнее „племя суаз“ или „суваз“ с позднейшим чувашским народом, П. Г. Григорьев исходит не только из отождествления названий, но и из тех обстоятельств, при которых „племя суваз“ выступает в рассказе Ибн-Фадлана. Так, в частном письме к автору данной работы он указал на то, что „отказ племени суваз от принятия ислама целиком подтверждается многовековой историей чуваш. Находясь длительное время в Булгарском государстве, позднее в составе Золотой Орды и Казанского ханства, основная масса чуваш не восприняла ислама, сохранила свои языческие обычаи и веру. Что же касается племенной знати, то последняя приняла мусульманство и большинство ее отатарилось“.

Наконец, в том же 1951-ом году по этому же вопросу о тождестве двух названий чувашского народа писал Н. Романов в своей статье „Чăваш халăхĕ пулса кайни çинчен наука мĕн калать“ (Таван Атал, 1951, № 2(39), ен 123).

Между тем отождествление названия „чăваш“ с названием

народа „саваз“ у Ибн-Фадлана само по себе не имело бы достаточного научного основания, если бы оно не базировалось на большой филологической работе Н. И. Ашмарина, проделанной им для выяснения многовековой истории слова „чуваш“. Без этих его исследований сопоставление указанных слов носило бы совершенно гадательный характер.

Так, еще в 1927-ом году М. Г. Худяков в статье „К вопросу о происхождении чуваш“⁴¹, нагромождая целую кучу нелепых и совершенно произвольных сопоставлений как действительно существовавших, так и выдуманных им самим слов, „отождествлял“ слово „чуваш“ с „авар“, „омар(?)“, с различными названиями из китайских источников и т. д. Среди всех этих „гаданий“ находим и такое сопоставление: „Сувар—сувас—шуваш“⁴². В конце концов автор этой статьи решает, что чуваша и авара это одно и то же, и рекомендует историкам чувашского народа обратить все свое внимание на авар. Автор никогда ни слова „сувас“ ни „шуваш“ в источниках нигде не встречал, на Н. И. Ашмарина не ссылается, так что его построения носят совершенно произвольный характер⁴³.

Более обоснованно подходили к вопросу о связи современных чуваш с городом или племенем сувар некоторые советские историки и лингвисты последнего времени. Так, А. П. Смирнов в своем ответном слове на сессии Ак. Наук СССР в апреле 1946 года высказал мнение, что „чуваша связываются с местными оседлыми племенами, вероятней всего с эсегель и сувар, входившими в состав Булгарского царства“⁴⁴. На той же сессии Н. Ф. Калинин, говоря о надписях булгарской эпохи, отмечал, что была „средняя этническая группа, искони жившая в Булгарию, которую можно назвать тюрко-чувашской или суварской, имевшая в более ранние века свой политический центр (Сувар), свою феодальную знать“⁴⁵. В. Г. Егоров в своем докладе „Этногенез чувашей по данным языка“, прочитанном на упомянутой выше январской сессии 1950 года, указывая на смешение в Среднем Поволжье местных и пришлых элементов, говорит: „Весьма возможно, что в IX—X вв. из смешения их образовалось довольно сильное и многочисленное племенное объединение сувар с одноименным большим торгово-промышленным городом“⁴⁶, и в другом месте: „Потом, с приходом на Волгу более культурных булгаро-тюрков начинается тесное сближение чувашей с булгарами, особенно с отдельными племенами их—суварами, вместе с которыми они образуют крупное племенное объединение с главным городом Суваром и даже с чеканкой своей монеты“⁴⁷. Наиболее четко формулировал ту же мысль Н. И. Воробьев в своем докладе на той же сессии: „Этногенез чувашского народа по данным этнографии“. Указав на образование татарского народа на левом берегу Волги, докладчик полагает, что аналогичный процесс происходил и на правом берегу. „При этом сюда

могла перейти значительная часть представителей племени сувар и дать там свое имя формирующемуся народу, название которого лингвисты склонны выводить из наименования племени сувар⁴⁸. Х. Г. Гимади в своем выступлении внес некоторые уточнения. Сказав, что сувары были и на левом и правом берегу Волги, он продолжает: „Под напором монголо-татарских полчищ сувары могли также переселиться в бассейн реки Суры. Исконными жителями этих мест были предки марийских и чувашских племен. Очевидно, на этом новом месте обитания сувары в известной мере смешались с аборигенами края и, естественно, восприняли от них некоторые элементы не только хозяйственного быта, но и языка“⁴⁹.

Были, конечно, и противники этой точки зрения. Так, уже из высказывания Х. Г. Гимади видно, что он считал, что сувары по существу не отличались от булгар, а чуваша стали особым народом лишь после смешения этих сувар с марийцами. В качестве наиболее решительного противника теории прямой связи чуваш и сувар выступил Т. Н. Третьяков. В своем докладе „Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных“ он решительно высказывается против взгляда А. П. Смирнова, который, „усматривает разницу между татарами и чувашами в том, что татары—это потомки якобы собственно булгар, тогда как чуваша—потомки болгарского племени суваров“⁵⁰. „Предполагать,—говорит он,—что в пределах Волжской Болгарии с ее оживленной торговой жизнью существовали болгары и сувары как две различные этнические группы, конечно, не приходится“⁵¹.

Из приведенных ссылок видно, что у различных исследователей мысль о какой-то связи сувар и чуваш возникала сама собою, но что фактических данных для решения этого вопроса у них было недостаточно.

Для надлежащего выяснения этого вопроса в настоящее время следовало бы привлечь сообщения не только Ибн-Фадлана, но также целого ряда других восточных авторов, произведя при этом их всестороннее критическое исследование возможности на основе первоисточников, то-есть рукописей. Поскольку, однако, материал для этого не подготовлен, приходится пока привлекать лишь некоторые дополнительные сообщения, которые для данного вопроса имеют особенно важное значение.

Замечательным подтверждением существования названия „саваз“ в раннем средневековье находим в сообщении марокканского географа XI века ал-Идриси о буртасах. Его географическое сочинение „Развлечение пламенно жаждущего“, написанное в 1154 году, в арабском оригинале целиком не издано. Однако имеется полный французский перевод Амадея Жобера, сделанный по двум рукописям Парижской национальной библиотеки⁵². Кроме того, я пользуюсь фотоснимком со-

ответствующего текста в ленинградской рукописи Госуд. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, арабский фонд, новая серия, шифр АНС 176⁵³. Рукопись эта имеет некоторые магрибинские (западноарабские) особенности. В отдельных местах она, к сожалению, неисправна. Вот интересующий нас текст по этой рукописи:

„Буртасы следуют за хазарами, и нет между ними и хазарами другого народа. Они имеют деревянные дома, а также войлочные палатки⁶⁴. У них [есть] два города—Буртас (برطاس) и Сувар (صوار). У буртас язык, которым они говорят, другой, чем у хазар и также [другой], чем у русов“⁶⁵.

Я оставляю в стороне вопрос о буртасских городах и почему, собственно, город Сувар оказался в стране Буртас. Остановлюсь лишь на самом названии. Во французском переводе этого текста А. Жобер передает название упомянутых здесь городов следующим образом: Bartas برطاس et Sawan صوار. Написано ли конечное „н“ в слове „Саван“ только в одной или в обеих рукописях, которыми пользовался А. Жобер, остается неясным. В своем предисловии (том I, стр. XXIII) о первой рукописи он говорит, что она была закончена в Альмерии в месяце шаввале 744 года хиджры (1344 г.) и в начертаниях собственных имен ее переписчик иногда пропускает диакритические точки. Другая рукопись, по его словам, представляет собою более тщательную копию, написанную в Египте или в Сирии, но рукопись эта сильно испорчена. Между тем тот факт, что в Ленинградской рукописи в конце данного слова стоит все же не „н“, а „р“, несомненно указывает на то, что в том оригинале, с которого была списана соответствующая парижская рукопись, здесь стояло не „р“, а „р“ с точкой, то есть „з“, и таким образом все слово читалось „Саваз“. Что касается первого гласного этого слова, то ответственность за постановку „а“ целиком падает на А. Жобера, который, впрочем, в своем предисловии (том I, стр. XXV) заверяет, что в огласовках он следовал указаниям рукописей. В ленинградской рукописи в этом слове огласовки нет.

Чтение в данном случае этого названия с конечным „з“ имеет тем большее значение, что ал-Идриси не знал сочинения Ибн-Фадлана ни непосредственно, ни через посредство каких-либо других авторов⁶⁶. Да и само начертание этого слова у ал-Идриси имеет в начале букву ص—„сад“, а не س—„син“, как у Ибн-Фадлана. А это показывает, что перед нами совершенно независимое от Ибн-Фадлана свидетельство.

Между тем засвидетельствованное у двух арабских авторов название „саваз“ или „суаз“ подтверждается результатами тех исследований относительно древних форм названия чуваш, которые произвел пятьдесят лет тому назад Н. И. Ашмарин в своей работе „Болгары и чуваш“. Так как название народа

чуваши в русских письменных памятниках до 1521 года пока не найдено, то Н. И. Ашмарин основывал свои выводы главным образом на этнографо-лингвистическом материале. Вопрос этот в той или иной связи трактуется у него на стр. 45—51, 116—117 и 132 упомянутой работы. Важную роль при этом играло название „суас (суас)“, которым луговые маришцы в настоящее время обозначают татар, но которое, как полагал Н. И. Ашмарин, представляет собою древнюю форму имени чуваш⁶⁷. Конечный его вывод следующий: „В общем можно думать, что слово чуваш последовательно прошло через стадии: жуас, суас, цуас, цуаш (чуаш), цываш (чываш)“⁶⁸. Мы видим, что, помимо постепенного изменения в этом слове начальной и конечной согласных, по мнению Н. И. Ашмарина звук „в“ в середине первоначально отсутствовал⁶⁹.

Указанные выводы в деталях далеко не бесспорны. Специалист по истории чувашского языка проф. В. Г. Егоров дает несколько иную картину изменения начальных согласных этого слова. „Вероятно,—говорит он,—в этом случае Н. И. Ашмарин смешивает происхождение чувашского „ч“ с происхождением чув. „ç“ (s). Звук „ç“ в чув. яз. восходит к первоначальной аффрикате дж, которая на чув. почве дала ç на турецк.—й, ойротск.—д', шорск.—ч, кирг.—ж: чув.—çук, тур.—уок, ойр.—док, шор.—чок, кирг.—жок—„нет“. В чув. языке звука „ц“ нет и, вероятно, никогда не было. В данном случае первоначальной (исходной) формой слова „чуваш“ целесообразнее признать форму суваз (в произношении савас). Переход с в ш и ч можно объяснить особенностями артикуляции. Если поднять кончик языка к альвеолам верхних зубов, то получится звук ш или ч, если же оставить ее за зубами, то получится звук с. В Красночетайском районе раньше, когда процент грамотности был очень низок, мужчины говорили на ш (лаша—„лошадь“, кашак—„ложка“ и др.), а женщины на с (ласа, касак и т. д.). В одних и тех же словах в одном тюркском языке мы имеем с, в другом—ш, в третьем—ч. Например: чув.—чукмар, башк.—сукмар, к.-калп.—шукмар—„дубинка“; чув.—чие, казах.—шие—„вишня“; чув.—Чемпёр—Симбирск (ныне Ульяновск) и т. д.“

Не ясен вопрос и о стечении рядом стоящих гласных. „Трудно согласиться,—говорит В. Г. Егоров,—с утверждением проф. Н. И. Ашмарина, что звук „в“ в середине слова „суваз“ первоначально отсутствовал. Мне кажется, что выпадение звука „в“ между двумя гласными, наблюдаемое только в Сундырском говоре чувашского языка, а также стяжение сочетаний *ув, ав, ыв* в общечувашском языке представляет позднейшее явление. Сочетания *ав, ава, ыв, ыва* приблизительно только с XVIII и XIX вв. начинают стягиваться в „у“, и процесс этот продолжается до настоящего времени. Не так

давно (на моей памяти) в некоторых районах произносили *тав* (гора), *тавра* (на горе), *фав* (масло), *авас* (воск; осина), а теперь здесь те же слова произносят уже как *ту*, *тура*, *фу*, *ус* и т. д. Что касается стечения двух гласных вследствие выпадения звука „в“ между двумя гласными в Сундырском говоре (чуаш, туан, хоар и т. д.), то Н. И. Ашмарин называл эти говоры „очеремисившимися“ (Материалы, стр. 314). В черемисском же (марийском) языке стечение двух гласных в словах представляет обычное явление,— шуаш, муаш, куакш, сюан, кэаш и т. д. Марийцы, естественно, слово „сувас“ могли произносить и произносили „суас“.

Надо однако заметить, что, если основная масса чувашского народа по происхождению не принадлежала к булгарам и первоначально по языку была родственна марийцам, то, воспринимая болгарский язык, она как раз и могла внести в него указанную особенность, которая исчезла лишь впоследствии.

Несомненно, что детали этих фонетических изменений еще требуют изучения. Тем более интересными должны быть для нас сохранившиеся записи Ибн-Фадлана и других восточных авторов, хотя эти записи и были сделаны мало приспособленным для данной цели арабским алфавитом.

Название упомянутого города или народа по-арабски пишется سوار — т. е. „Свар“ с необозначенным, а потому неизвестным гласным звуком после начального „С“. Ввиду этого это слово читали—„Сувар“, „Сивар“ и „Савар“ („Саван“ у ал-Идриси по огласовке А. Жобера), то есть были использованы все три возможных в арабском языке огласовки. Но так как эти огласовки в данном случае должны передать звуки чуждого языка, то возможно чтение „Сывар“, а также, конечно, „Савар“. Наконец, это арабское начертание могло бы передавать и форму „Суар“, без средней согласной. Правда, это противоречило бы правилам классической арабской грамматики, так как в таком случае над алифом должен бы стоять знак „мадда“. Ибн-Фадлан, как кажется, аккуратно ставил этот знак, но переписчик Мешхедской рукописи в этом отношении отличался небрежностью. Так, в слове „Коран“ (200а 11) он, конечно, мадду поставил, в слове же — قرءة — чтение“ он поставил этот знак лишь один раз (203б 18), а три раза не поставил (200а 11, 203б 19 и 201б 7). Однако и независимо от постановки этого знака, чтение „Суар“ у Ибн-Фадлана все же возможно. Ведь здесь речь идет о передаче иноземного имени, которое в правила арабской графики не укладывается⁶⁰. Так, например, передача названия реки Джаушыр посредством جاوشير тоже противоречит классической грамматике⁶¹. Итак, установившееся в нашей научной литературе чтение „Сувар“, поскольку дело касается арабской графики, отнюдь не обязательно. К тому же в русских исторических памятниках это

название не встречается вовсе и ученые даже долго не знали, где этот город находился.

Между тем татарский историк Г. Ахмаров в 1893 году путем расспросов местных жителей, наконец, открыл древнее местоположение этого города на берегах реки Утки. В своей статье „Экскурсия на место древнего Суvara“⁶² он сообщил, что это название было известно не только татарам и чувашам данной местности, но и далеко за ее пределами в тогдашних уездах Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском, а также в Самарской губернии. Г. Ахмаров привел и весьма важные местные формы произношения этого названия: у татар—„Суар“, у чуваш—„Свар“. Поскольку название древнего города было перенесено и на новые русские поселения, то село Кузнечиха стало называться у татар „Иске Суар“, у чуваш—„Кивё Свар“, деревня Новая Кузнечиха соответственно—„Янгя Суар“ и „Ҙёнё Свар“. Я полагаю, что указанное Г. Ахмаровым чувашское название все же произносилось „Савар“, причем редуцированное „а“ Г. Ахмаров мог не расслышать.

Полное подтверждение этой догадки я нахожу в статье В. Егорова „К вопросу о происхождении чуваш и их языка“. Он пишет: „Развалины этого города (Суvara) сохранились до настоящего времени. У чуваш, живущих в окрестностях этих развалин, последние известны под именем Савар. В старое время старики-чувашаи относились к этим развалинам весьма почтительно, как к чему-то весьма близкому и родному“ (Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. VII, (1953), стр. 79).

Ввиду всего сказанного, в данной работе мы будем принимать огласовку „Сувар“ и „суваз“, как условную. По-чувашски эти две формы, повидимому, должны читаться „Савар“ и „саваҕ“.

Что касается конечной арабской буквы „з“, то из вышеприведенной схемы Н. И. Ашмарина мы видим, что этой буквой может быть передан чувашский звук „ҕ“. Для такого звука нет буквы в арабском алфавите. В позднейших болгарских надгробных надписях (главным образом XIV века) это предполагаемое „ҕ“ постоянно передается арабской буквой ج („дж“ или „дзь“⁶⁸), напр.: „сирём“—جرم; „ҕёр“ (100)—جور; „ҕул“—جال; собственное имя—Тимёреҕ—تمر. По этому поводу Н. И. Ашмарин замечает: „Здесь один из тех случаев, когда глухие согласные (в данном случае с) передаются в надгробиях арабскими звонкими, за неимением других более подходящих букв“⁶⁴. Между тем арабская буква ز—„зайн“ обозначала очень смягченное „з“, гораздо больше приближающееся к „ҕ“⁶⁵, чем ج. Если мы теперь учтем, что болгарское наречие болгаро-чувашского языка, в отличие от чувашского, обладало

звонкими согласными, то станет ясно, что в болгарских надгробиях передавался иной звук, вероятно, более звонкий, в то время как Ибн-Фадлан через *ج* отмечает более глухой.

В отношении начального звука слова „сәваҫ“ следует обратить внимание в данном случае на постановку начальной буквы у ал-Идриси, именно, не „син“, а „сад“—ص. Эта буква обозначает особый арабский звук, так называемое эмфатическое „с“, которое в тюркских языках отсутствует. В арабской графике, приспособленной к тюркским языкам, эта буква условно употреблялась вместо „с“ в словах с гласными заднего ряда. Но в случайной транскрипции она вряд ли могла иметь такое значение. В таких случаях буква „сад“ передает согласную, отсутствующую в арабском языке. Следовательно возможно, что в данном случае арабской графикой передано произношение данного имени или в той форме „цуаҫ“, которая занимает третье место в приведенном выше ряду Н. И. Ашмарина, или с каким-либо другим близким начальным звуком. Во всяком случае начертание с начальным „сад“ не случайно. Еще Х. Френ приводил одно такое же чтение صوار—„Сувар“ в одной рукописи некоего персидского сочинения под названием „Ферхенг-наме“⁶⁶. Наконец, в одной рукописи Ибн-Хаукаля название этого города пишется شوار—„Шувар“ с начальным „шин“. К сожалению, рукопись эта тоже не исследована⁶⁷. Думаю, что лишние три точки над буквой „син“ едва ли могли быть поставлены случайно. Возможно, что это начертание передает еще более позднее произношение с „ш“ или даже с мягким чувашским „т“. Однако в конце здесь все же стоит „р“.

Из приведенного обзора различных вариантов слова цуаҫ, суаҫ, сәваҫ, сәвар и тому подобных мы видим, что это старинное название народа чуваш засвидетельствовано в памятниках, начиная с X века, причем, повидимому, в тех формах, которые соответствуют выводам Н. И. Ашмарина, добытым совсем иным путем.

Теперь перейдем к историческим событиям, которые Ибн-Фадлан связывает с „народом сәваҫ“. Хотя перевод соответствующего текста был уже дан в „Исторических записках“ № 35⁶⁸, я считаю необходимым дать его здесь еще раз в несколько расширенном виде и с некоторыми уточнениями:

„Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся у воды, называемой Хёллече, а это три озера, из которых два больших и одно маленькое. Однако, из них нет ни одного, в котором дно было бы достижимо. Между этим местом и их огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой Атъл, около фарсаха. На этой реке место рынка, который

бывает во всякий [благоприятный] момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи“ (2076 19—208а 4).

„И отъехал царь от воды, называемой Хёлече, к реке под названием Джаушыр, и оставался около нее два месяца. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка, и послал к народу⁶⁹, называемому саваз, приказывая им [совершить] перекочевку вместе с ним. [Они] же отказали ему. И [они] разделились на две партии. Одна партия [была] с отребьем, и над ними [еще раньше] провозгласил себя [самозванным] царем некто по имени Выраг. И послал к ним царь и сказал: „Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я—раб его⁷⁰, и это—дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом.—Другая же партия была вместе с царем из [кочевого] племени, известным как царь эскэлов. Он был у него в повиновении, но только он еще не принял ислама.—Когда же он [царь болгар] послал им это послание, то [они] испугались его намерения, и все вместе, совместно с ним, поехали к реке Джаушыр. Это река небольшой ширины,—ширина ее пять локтей. Вода ее [доходит] до пупа, а местами до ключицы, а наибольшая ее [глубина] в рост [человека]. Вокруг нее [растут] деревья. Многие из этих деревьев хаданг и другие. Недалеко от нее обширная степь.“ (2086 9—18).

Рассмотрим сначала географические названия.

Огромная река, текущая в страну хазар, пишется здесь **أتل**—Атл, что вполне соответствует чувашскому Атъл. В соответствии с арабской графикой ударение тоже на первом слоге. Следует заметить, что Н. И. Ашмарин эту форму предугадал, когда писал: „Я думаю, что арабское **أتل** должно было произноситься с фатхой алифа (**أتل**), а не с касрой (**آتل**), как у нас обыкновенно принято читать это слово“⁷¹. Действительность превзошла его ожидания, так как здесь алиф написан со знаком мадда. При огласовке, предположенной Н. И. Ашмариним, то есть с простой фатхой, возможно было бы также чтение „Этиль“.

Три озера, находящиеся от Волги на расстоянии одного фарсаха, то есть около 6 км., существуют и сейчас. Они, как сказано выше, называются Чистое, Курышевское и Атманское и находятся „в 49 верстах от Спасска“, т. е. Куйбышева Татарского⁷². Из данного текста мы видим, что в мае 922 года, когда посольство халифа прибыло к берегам Волги, царь находился у этих трех озер, а позднее откочевал от них. Однако это была не случайная остановка царя, так как его деятельность была тесно связана с упомянутым здесь базаром на берегу Волги. Именно здесь высаживались русы, строили свои дома и вели торг, а царь болгар ездил по этому базару

без провожатого, причем, „если прибудет корабль из страны хазар“, то царь выезжал верхом, пересчитывал то, что в нем имелось, и брал из всего этого десятую часть. В случае же приезда русов или кого-либо из других племен с рабами, то царь брал себе десятую часть рабов (208б 5—7). Из рассказа о приплывшем по Волге с севера великане ясно видно, что из этой ставки царя к берегу Волги регулярно отправлялись купцы, „как они обыкновенно выходят“ (208а 7). Купцы, по-видимому, не решались оставаться ночевать на берегу и в основном жили в ставке царя под его защитой. Увидев плывущего по воде великана, эти купцы успели прибежать к царю, а царь сейчас же отправился верхом к берегу Волги на место происшествия. Совершенно очевидно, что все это происходило на расстоянии все тех же 6 км. между берегом Волги и Трех Озерами. Не добившись от великана ни одного слова, царь „доставил его в свое местопребывание“ (208а 13), т. е. в свою ставку. Это произошло не в 922, а в один из прежних годов, причем ранней весной, во время разлива реки Волги. Ясно, что ставка царя у Трех Озер носила постоянный характер. Ясно также, что какие-то местные жители, собеседники Ибн-Фадлана, жили здесь и зимой. Так, в первые же дни по его прибытии „жители страны“ рассказали удивленному гостю, что „когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как [летний] день“, так что, „если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Атъл,—а между нами и им расстояние пути менее фарсаха,—во время появления утренней зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи“ (208а 6—8). Упоминание расстояния в один фарсах показывает, что речь идет все о том же месте, где беседующие находились летом, т. е. о Трех Озерах. Находился ли в зимнее время у Трех Озер и сам царь булгар, прямых указаний нет. Но нет также оснований искать его зимнюю стоянку в другом месте. Дело в том, что Ибн-Фадлан ни о каких городах в стране булгар не упоминает. Часто употребляемое им слово „балад“ значит у него только „страна“ и ничего больше⁷⁸. Слово „мадина“— „город“ в данном случае применено у Ибн-Фадлана только к столице Хазарии. Как показывают раскопки, севернее Трех Озер, на реке Меленке, на теперешнем „Бабьем бугре“, существовало древнее, еще добулгарское поселение, но город Булгар во времена Ибн-Фадлана еще не существовал. Значит и торг на берегу Волги, и погребение руса и все прочее происходило не в Ага-Базаре, где находилось причальное место города Булгара, а ниже по реке Волге против Трех Озер. Вопрос об основании города, столицы Булгарского царства, с крепостью и соборной мечетью тогда еще оставался открытым. Царь булгар еще только просил халифа помочь ему в этом деле. Как видно из рассказа Ибн-Фадлана, послы халифа в этом отношении не оказали царю никакой помощи. Они не

привезли ему ни обещанных денег—4000 динаров, ни мастеров для постройки крепости или мечети. Однако, как видно из слов царя Алмуша, он не оставил своего плана, рассчитывая „построить крепость на свои собственные средства, на серебро или золото“. При этом он гордо заявил, что, дескать, „для меня в этом не было бы никакой трудности“ (209б 15—16). Мы знаем, что этой столицей Булгарского царства немного позднее, то есть вскоре после 922 года, стал город Булгар.

В связи с этим было бы интересно выяснить, что может означать и как следует читать название местности около Трех Озер,—*خلجة*—х-л(лл?)-дж(ч?)-h(=е). Моя прежняя огласовка „Халджа“ конечно, была совершенно произвольна. Первая мысль—это искать в корне этого названия слово—„күлө“—может быть с перестановкой снизу наверх точки у буквы „дж“,—күллөх—„озеристое место“. Однако для такой перестановки все же нет достаточных оснований. Я предпочитаю пока видеть здесь производное от слова „хёл“, „хёлле“, причем все вместе предположительно должно означать „зимовье“, „кышлак“, „зимовка“. Дать бесспорное объяснение окончанию „-че (дже?)“ все же трудно⁷⁴.

Река Джаушыр в данном тексте дважды написана с конечным „р“. Повидимому, Ибн-Фадлан уже забыл, что в другом месте записал это же название с буквой „з“. Как было сказано выше, река эта находилась во всяком случае севернее реки Неясловки, но, конечно, по эту сторону Камы. К этой речке в середине лета перекочевал царь и с ним местные племена, то есть, конечно, обладатели более или менее крупных стад, главным образом кочевая знать. Перекочевка явно была связана с политической задачей,—завершить всенародное принятие ислама. Однако не может быть сомнения в том, что по существу эта перекочевка имела под собой экономическую основу. Стада булгар к тому времени года уже выпасли всю траву в окрестностях Трех Озер и вообще в районе Волги. Теперь их перегоняли на новые пастбища. Это предположение подтверждается тем, что царь оставался у реки Джаушыр целых два месяца,—срок слишком долгий для того, чтобы завершить дело принятия ислама. Торговые дела на Волге к этому времени тоже, вероятно, заканчивались. Образ жизни этих людей, повидимому, был таков: в середине лета царь и булгары-кочевники отправлялись на новые пастбища на северо-восток. К зиме царь, вероятно, возвращался к Трех Озерам, чтобы здесь зимовать, и, надо полагать, собирать во время зимы дань мехами с местного населения „в каждом году от каждого дома шкуру соболя“ (206б 9). Весной, когда вскрывалась и разливалась Волга, по ней с севера и с юга прибывали торговцы⁷⁵, зеленели и приволжские луга,—корм для скота. Когда торговцы кончали дела и уезжали, а травы

иссякали, болгары начинали новую перекочевку в сторону от реки к башкирским степям. В этом направлении мы должны искать и местонахождение речки Джаушыр. Я полагаю, что это современная речка Гаушерма выше по Каме, недалеко от бывшего болгарского города Сакату—„Жукотина“ и нынешнего Чистополя. Эта речка указана в „Ведомости о Казанском наместничестве“ XVIII века, где говорится: „Деревня Калеева Малая Бахта, Кутлушкино тож, при речке Гаушерме; крещеных татар—14 душ. 21 верста от Чистополя, 85 верст от Казани“⁷⁶. Это была северо-восточная окраина Булгарского государства. Ибн-Фадлан говорит, что недалеко от этой речки находилась обширная степь⁷⁷. В этой степи болгары проводили охоту, при чем из их рассказа, приведенного у Ибн-Фадлана видно, что в этой степи были и деревья⁷⁸. Несомненно, что эта лесостепь представляла собою обширные пастбища для скота.

Почему, собственно, данная небольшая речка сделалась местом съезда племен, мы, конечно, сказать не можем. Вероятно, это урочище имело какую-нибудь связь с их племенными традициями, как, например, в древние времена всебашкирские джины собирались у речки Чесноковки в 12 км. от нынешней Уфы⁷⁹.

Что касается самих названий Джаушыз-Джаушыр и современного Гаушерма, то следовало бы точнее знать местное татарское произношение этого последнего. С первого взгляда кажется очевидным, что во второй его части содержится чувашское слово—„сырма“. Однако в старой форме мы все же имеем только „шыз“ или „шыр“. А. И. Попов, специально изучавший финно-угорскую топонимику Северо-Восточной Европы, указывает на то, что там компоненты географических имен „шур“, „шор“, „шер“ обозначают небольшие речки⁸⁰. В таком случае форма „шерма“ может быть явилась позднейшим булгарским видоизменением на основе „народной этимологии“.

Теперь о племенах.

Ибн-Фадлан несколько раз называет булгарского царя—„царь славян“, а один раз и его страну—„страна славян“. Это обстоятельство вызывало когда-то много толков и недоумений. Теперь, на основании всей совокупности материалов можно считать установленным, что употребление этого выражения в данном случае имело политическое значение. Именно, в основе его лежало стремление изобразить царя булгар владыкой многих северных народов, которые в тогдашнем арабском языке обычно обозначались общим именем „сакалиба“—„славяне“⁸¹. Однако, когда дело коснулось вопроса о провозглашении официального титула царя в мечети, то титулом этим оказался не „царь славян“, а „царь булгар“, или, по

совету Ибн-Фадлана,—„повелитель [эмир] болгар“. Слово „булгар“, здесь, конечно, не название города, ибо такого города тогда еще не существовало, и не страны, а племени.

Формы названия этого племени или всего народа в целом в арабской передаче довольно различны. У Ибн-Фадлана мы имеем самую обычную, ту, которая ближе всего к написанию русских летописей,—*بلغار*—„блґар“ (201а 16; 205а 7). Иное у Ибн-Русте. Этот автор писал свое сочинение „Книга драгоценных сокровищ“ в промежутке между 903 и 912 годами⁸², то-есть раньше Ибн-Фадлана. Однако он все же упоминает в нем того самого болгарского царя Алмуша, у которого побывал и Ибн-Фадлан. Ибн-Русте совершенно четко различает славян и болгар, причем о последних говорит, что „они находятся между хазарами и славянами и царь их называется Алмуш“⁸³. Народ булгар на Волге в широком смысле он называет собирательным именем *البلکاریة*—„ал-блкарійа“⁸⁴, а племя болгар в узком смысле—*بلکار*—„блкар“⁸⁵. Итак, мы имеем у Ибн-Фадлана и Ибн-Русте два варианта этого имени. Оба эти варианта находим и у ал-Марвази, писавшего около 1120 года, но сообщения которого происходят из более раннего источника конца X или начала XI веков⁸⁶. Эти формы явно отражают разницу местных диалектов в одном случае со звонким „ґ“, в другом с глухим „к“. Начальное „б“ может при этом читаться и „п“, т. к. для последнего звука в арабском алфавите особой буквы нет. Ударение в обоих случаях на последнем слоге. Первая гласная не обозначена. Правда, Якут в своем „Географическом словаре“ под словом „Булгар“⁸⁷ словесно оговаривает, что первая гласная „дамма“, т. е. краткое „у“, которое может произноситься и как „о“, но это относится к XIII веку и является единичным указанием. В соответствии с передачей в графике и в произношении других народов мы можем установить такие огласовки: „балкар“ (на Кавказе), „болгар“, „булгар“ (следя русским летописям), „българ“ (славяноболгарское „българ“, чувашское „палхар“)⁸⁸. Учитывая, что в истории чувашского языка в первом слоге слов произошел переход звука „а“ в „о“, потом в „у“ и, наконец, даже в „ы“, мы можем считать форму „балкар“ наиболее древней.

Между тем ал-Мас‘уди в первой половине X века систематически называет волжских и приазовских болгар *برغز*—„брґз“, т. е. „баргаз“ или „бургаз“⁸⁹. Здесь ударение должно быть на первом слоге, а звук „л“ заменен через „р“. Конечное „з“ вместо „р“ указывает на влияние произношения тюркских языков „з“-группы, как в названии реки „Кундузча“. Ал-Мас‘уди сам севернее Кавказа не бывал, а собирал сведения о народах Восточной Европы, находясь на южном берегу Каспийского моря. Дунайских болгар он, как и другие арабские писатели, называет *برجان*—„брдж(г)ан“⁹⁰. Итак, это

племенное название в разных вариантах отражает диалектические различия и изменения в процессе развития языков.

Значение этого названия в данной обстановке на Волге можно установить, исходя из сообщения Ибн-Русте. Говоря о волжских булгарах в целом, он указывает на их племенное деление: „Их три сорта: один сорт называется—барсула (برصولا), другой сорт—эсүэл (اسغل) и третий—балкар (بلكار)“⁹¹. Употребленное здесь слово „сорт“ — صنق (сынф), мн. اصناف (аснаф), указывает на то, что автор видел в них лишь разновидности одного народа „ал-балкарийа“. Так, он говорит: „Страна эскэлов из [народа] ал-балкарийа“⁹² или: „а между буртасами и этими ал-балкарийа расстояние в три дня пути“⁹³. Такого же рода собирательные формы для названия народов мы встречаем и у Ибн-Фадлана: русы:—„ар-русийа“ (2096 17; 212а 19), огузы (1996 13; 202а 1), хорезмийцы (1986 2 и ? 209а 12). Однако о булгарах в целом Ибн-Фадлан употребляет такое выражение не мог, так как уже назвал подданных царя общим наименованием „славяне“. Поэтому он вынужден говорить: „Если прибудет корабль из страны хазар в страну славян, то царь выезжает верхом и т. д.“ (2096 5—6). Из этого следует, что титул „царь булгар“ означал царя, или, точнее, князя, одного только племени булгар, а не всех булгарских племен. Это очевидно хотя бы из того, что рядом с „царем булгар“ у Ибн-Фадлана дважды упоминается „царь эскэлов“ (2086 14—15; 2096 11). Пусть этот последний в данных условиях уже был подчинен „царю булгар“, все же, при наличии этого „царя эскэлов“, царь булгар уже не мог считать себя также царем и этого племени, поскольку „царем эскэлов“ был уже другой. Значит в данном случае титул „царь булгар“ совершенно равноправен с титулом „царь эскэлов“ и других подобных ему племенных князей. Поэтому, поскольку речь идет об этом племенном титуле, мы можем в данном случае арабское слово „малик“—„царь“ переводить словом „князь“. Главенство „князя булгар“ над всеми подвластными ему племенами, очевидно, выражалось только в титуле „йылтывар“.

Чтение этого слова основывается на следующих сопоставлениях. В Мешхедской рукописи и у Якута оно везде читается بلطوار — „блтвар“, что раньше читали „балтавар“, давая самые различные толкования. Но один раз в Мешхедской рукописи в начале этого слова ясно написано не „б“, а „й“ (204а 16). С другой стороны, в рукописи „Географического словаря“ Якута в том же Мешхеде (см. прим. 21) стоит огласовка „билтивар“. Учитывая последнюю гласную „а“, а также, пожалуй, наличие эмфатического ط — „т“⁹⁴, полагаю, что все гласные этого слова заднего ряда, то-есть его следует читать „йылтывар“. Этот титул царя булгар засвидетельствован также и сто лет позднее. В замечательном сообщении ал-Марвази 1120

года, заимствованном из более раннего источника, о посольстве князя Владимира Святославича в Хорезм⁹⁵ говорится, что царь болгар носит титул بطلطو — „бтлтв“ — также, как царь тюрков носит титул хакан⁹⁶. То же сообщение мы имеем и в персидском пересказе Мухаммеда ал-‘Ауфи, писавшего перед 1228 годом, но пользовавшегося в конце концов все тем же арабским первоисточником конца X—начала XI веков⁹⁷. Здесь в двух рукописях мы имеем ту же форму, что и у ал-Марвази. Между тем в одной рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде, согласно В. Бартольд, стоит بطلطون — „бтлтвн“⁹⁸.

Если сопоставлять это начертание с начертанием у Ибн Фадлана, где конечная буква „р“, то опять таки напрашивается вывод, что у ал-‘Ауфи первоначально здесь стояло „з“. Все же, поскольку форму ал-Марвази и ал-‘Ауфи полностью согласовать с данными у Ибн-Фадлана нельзя, последнее предположение остается гадательным. Исходя из чтения этого слова у Ибн-Фадлана, полагаю, что это древний тюркский титул „эльтэбэр“⁹⁹. Несомненно, он был выше титула князя кочевого племени и в дальнейшем сохранялся за царем болгар еще многие годы. Однако еще в 922-ом году парь обзавелся новым, мусульманским титулом — „клиент повелителя правоверных“, ссылаясь на который он требовал подчинения себе всех племен своего царства.

Как мы видим из приведенного выше текста, князь эскэл назван „дарь из кочевого племени“ (ملك من قبيلة — 2086 14). В этом значении слово „кабила“ Ибн-Фадлан употребляет много раз. В том же смысле оно употребляется и другими тогдашними географами и историками. В случае же, если момент кочевания не подчеркивается, особенно когда речь идет об оседлых племенах Севера, — славянах, финнах и т. д., арабоязычные писатели того времени употребляли слово „джино“. Таких подвластных или вернее союзных племенных князей, как князь эскэлов, у болгарского царя было, повидимому, четыре. Так, еще до приезда посольства, эти четыре князя или „царя“ встретили его на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя (2036 6). Но и потом, хотя послы ожидали целых четыре дня, с воскресенья до четверга, „пока собрались цари его земли“ (2036 12), все же на официальном банкете были все те же четыре царя¹⁰⁰. Какие племена были представлены этими князьями не указано. Князь эскэл, несомненно, здесь присутствовал. Весьма вероятно было присутствие князя племени барсула, поскольку это племя, как и эскэл, входило в число трех основных племен, составлявших по Ибн-Русте болгарский народ в целом. Если у „народа саваз“ в то время еще был свой князь, то он также мог здесь присутствовать, тем более, что встреча посольства местными князьями про-

изошла, повидимому, на территории этого народа. Но мы знаем, что около этого времени у сувазов власть захватил вождь оппозиционной партии. Возможно, что у них и вовсе не было своего князя.

Вопрос о расселении этих племен требует особого исследования с привлечением многих данных. Так как царь булгар среди лета приглашал эти племена, в том числе эскэл и сѡвас, совершить перекощевку на восток к речке Джаушыр, то очевидно, что эти племена, или во всяком случае их основная часть во главе с кочевой знатью, находились в это время на левом берегу Волги и Камы, так как переправиться через Волгу со своими стадами они могли бы только зимою. При этом племя булгар имело своим центром местность у Трех Озер. Поскольку в ближайшие годы был основан город Булгар на нынешней реке Меленке, то эта местность, надо полагать, тоже принадлежала к области булгар.

Ибн-Фадлан рассказывает о „домочадцах одного дома“ в числе 5000 человек, которые назывались баранджар (или баранчар). „Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся. Они не умеют читать [молитвы], так что я научил одну группу из них тому, как молятся“ (207б 15—16). Родовой строй у булгар в это время был уже в прошлом. Акад. Б. Д. Греков считал, что эти домочадцы „дома“ баранджар представляли собою большую знатную „фамилию“, куда входили как родственники, так и слуги¹⁰¹. Так как Ибн-Фадлан особенно не удалялся от ставки царя (если не считать дальнейшего путешествия к речке Джаушыр), а обучение арабским молитвам требовало времени, то эти люди и их мечеть находились где-то поблизости. Если бы даже упомянутая группа „учащихся“ прибыла к нему специально для обучения, то все же их постоянное местожительство должно было быть недалеко от торгового центра, в котором находился Ибн-Фадлан, где влияние мусульманства сказывалось более сильно. Если допустить, как это будет сказано дальше, что племя барсула имеет связь с рекой, носящей аналогичное название, то не жили ли эти Баранджары по речке Баран, являющейся правым притоком Майны. Это было бы новым подтверждением древности слова „варан“ наряду с „васан“, о чем речь шла выше. Местность эта, сравнительно, недалеко от Трех Озер. В наше время тут есть селение Старый Баран, получившее название от реки, на которой оно лежит. Около него есть старое городище, как и ряд других городищ по этой реке¹⁰². Конечно, это лишь предположение. Во всяком случае думаю, что эти баранджары входили в состав булгарского племени¹⁰³.

Название племени эскэл у Ибн-Фадлана пишется اسكل — „(а)скл“. Ибн-Русте пишет сначала اسغل — „(а)сгүл“¹⁰⁴, а потом, несколько ниже, как у Ибн-Фадлана — „(а)скл“¹⁰⁵. Опять

таким образом, что здесь перед нами отражение двух различных местных диалектов со звонкими и глухими согласными. У анонима „Худуд ал-‘алам“ (конец X века) и у ал-Бекри, то-есть уже в передаче XI века, имеем начертание اشکل— „(а)шкл“ или „(о)шкл“. Возможно, что это более поздняя форма. Еще более поздняя форма имеется у так называемого Ахмеда Туси—أسبل—„(а)сйл“, т. е. „асил“, „осил“.

Конечно, и в данном случае все огласовки, поскольку они не исходят из арабского текста, совершенно произвольны. Ясно только, что это слово имело гласные переднего ряда. Если признать, что это племя как-то связано с карпатскими székelys^{ag} секейями¹⁰⁶, то возможна огласовка „эсэкэл“. Если исходить из названия болгарского города Ошель или Ашля, взятого владимирским князем в 1220 году¹⁰⁷, то огласовка будет—Оскел.

Однако, как уже было сказано, в 922 году болгарских городов еще не существовало. К тому же город Ошель впоследствии находился на правом берегу Волги, а кочевые племена, которых царь болгар пригласил отправиться с ним к речке Джаушыр, в данном случае должны были быть на левом берегу. К ним принадлежали и эскэл. Да и указания Ибн-Русте, что „между страной печенегов и страной эскэл из [числа] ал-балкарийя [находится] первая из областей мадьяр“¹⁰⁸ указывает на положение эскэл в начале X века дальше к степи. Вопрос этот, ввиду наличия еще и других вариантов этого сообщения (Гардизи), требует особого исследования. Что же касается города Ошель, то он возник позднее, как один из первых форпостов проникновения болгарского влияния вверх по Волге. Возможно, что в его основании приняло участие именно племя эскэл.

Не упомянутое у Ибн-Фадлана третье племя болгар—барсула Н. И. Ашмарин связывает с названием реки Берсула, правого притока Камы, несколько выше г. Чистополя¹⁰⁹, находящейся приблизительно в том районе, куда, как мы видели, шла перекочевка племен в 922 году.

Наконец, о „народе саваз“ (208б 11). Форме этого имени и его отношению к названию города Сувар было уделено достаточно внимания. П. Г. Григорьев в упомянутой выше статье, говоря об этом народе, называет его „сувар (суаз) ятлә пёр пысак әру“. Если слово „әру“ понимать в значении „йәх“— „племя“, а не „первобытный род“, то „большое племя“¹¹⁰ и будет более или менее то, о чем говорит Ибн-Фадлан. Вместе с тем прежний формальный перевод этого места „к народу [людям] суваз“¹¹¹ создавал в этом важном вопросе полную неясность и запутывало дело. Дело в том, что стоящее здесь арабское слово قوم—„кауm“ может иметь два значения, как и русское слово „народ“ или чувашское „халәх“. Оно может

обозначать или вполне определенное этническое понятие, например, „русский народ“, „чаваш халәх“, или иметь общее значение: „люди“—„сынсем“, например, „много народу“—„халәх нумай“. Ибн-Фадлан в своем сочинении действительно несколько раз употребляет это слово в последнем значении— „люди“¹¹². Однако это не значит, что так его следует понимать везде. Именно здесь это слово имеет конкретное значение „народ“, „халәх“. Надо обратить внимание на то, что в том же самом смысле, как и о „народе саваз“, Ибн-Фадлан говорит о „народе башкир“ („мы... попали в страну народа тюрок, называемого башкиры“—203а 8) и о „народе вису“ („народ, называемый вису“—206а 4). Замечательно, что, говоря об огузах, Ибн-Фадлан употребляет не слово „народ“, а قبيلة—кабила—„кочевое племя“. („Мы выехали к [кочевому] племени тюрок, известных под названием огузов“—199б 13).

Что касается области расселения „народа саваз“, то та часть этого народа, которую царь болгар приглашал поехать с ним к реке Джаушур, должна была жить на левом берегу Волги. Поскольку позднейший город Сувар несомненно связан с этим народом, то область их поселения в то время находилась к югу от болгар в долине реки Утки и на запад вдоль этой реки до берега Волги. Косвенно на это указывают слова Ибн-Русте, что „между бургасами и этими ал-балкарйя расстояние в три дня пути“¹¹³. Спрашивается, кто же жил на этом значительном пространстве около 100—130 километров¹¹⁴? Это не могли быть племена болгар, эскэл или барсула, так как они тоже входили в состав „балкарйя“. Из других племен, которые могли жить в этом районе, мы знаем только народ суваз. Это косвенно подтверждает, что народ суваз в состав настоящих болгарских племен не включался. Но это, конечно, не значит, что сувазы в то время не говорили на одном из диалектов болгарского языка. Таким образом, описанные у Ибн-Фадлана события у народа суваз произошли на левом берегу Волги. Жила ли уже в то время часть этого народа также и на правом берегу Волги, у нас еще нет прямых указаний. Приведенное выше сообщение ал-Идриси о том, что у бургас были два „города“,—Бургас и Суваз, как будто дает для этого некоторые основания¹¹⁵. Хотя возможность поселений бургас и на левом берегу Волги и даже в Прикамье не исключена¹¹⁶, все же сообщения восточных писателей X века и современная топонимика указывает на то, что в то время основная область их расселения лежала на правом берегу Волги. Ибн-Фадлан, проезжая вдоль левого берега, также нигде не встретил этого народа. В таком случае, согласно ал-Идриси, в стране бургас на правом берегу должны были жить и сувазы. На карте Махмуда Кашгарского XI века Сувар (город или народ) также помещен на правом берегу¹¹⁷.

Конечно, такого рода данные могут иметь значение только после тщательного критического анализа всего материала с привлечением всех имеющихся источников.

Для того, чтобы выяснить обстоятельства столкновения между двумя партиями у болгарских племен и суваз летом 922-го года, необходимо остановиться на некоторых деталях разбираемого нами рассказа Ибн-Фадлана.

В переводе этого рассказа семь раз встречается местоимение „они“, „им“, причем четыре раза это местоимение имеется и в оригинале и три раза подразумевается в глагольной форме (в таком случае в переводе оно стоит в квадратных скобках).

Из этих семи случаев первые два: „приказывал им“ и „[они] же отказались“, явно относятся к народу саваз. Фраза: „И [они] разделились на две партии“ с первого взгляда, как кажется, тоже относится к этому же народу и означает, что именно народ саваз разделился на две партии. В таком случае в дальнейшем мы должны были бы признать, что и другая партия, именно сторонники царя болгар и принятия ислама, тоже составляли часть того же народа саваз. Этому не противоречило бы и то, что во главе этой партии стал князь из племенной родовой знати. Все это можно было бы принять, если бы дальше этот самый князь, глава второй партии, не был назван князем эскэлов, то-есть совсем другого племени. Значит упомянутое выше третье местоимение „они“ не может быть отнесено только к народу саваз. Между тем, внимательно читая сочинение Ибн-Фадлана, мы видим, что через весь его рассказ проходит некое неопределенное местоимение „они“, которое иной раз вообще неясно к чему относится. В действительности Ибн-Фадлан этим местоимением обозначал вообще местных жителей данной страны. Примеров весьма много. Рассказав о том, как он и его спутники в первую же ночь по прибытии в страну болгар были напуганы северным сиянием, Ибн-Фадлан без всяких объяснений заканчивает: „а они смеются над нами“ (205б 7). В дальнейшем описании следует: „я видел, что день у них очень длинный...“, „я видел, что змей у них такое множество, что...“, „я видел у них яблоки...“, „пища их—просо...“, „все они носят шапки...“, „все они живут в юртах...“, „если они едут в дороге...“, „у них много купцов...“ и т. д. Этот основной лейтмотив рассказа Ибн-Фадлана следует иметь в виду при разборе многих неясных мест. Например, Ибн-Фадлан рассказывает о похоронах в стране болгар так: „И если мусульманин умрет у них...“ (209а 11—12). Так как читатель считает, что болгары как ни как уже мусульмане, то ему кажется, что дальнейшее описание похоронного обряда относится именно к местному жителю—мусульманину. Но дальше, закончив данное описание, Ибн-Фадлан неожиданно продолжает: „Таким же образом и они поступают

со своими мертвыми...“ (209а 15). Итак, ясно, что под мусульманином автор разумел приезжего человека, а „они“, т. е. местные жители, в его представлении не являются настоящими мусульманами, да, повидимому, в массе таковыми и не были. Надо заметить, что из данного рассказа о похоронах у болгар видно, что здесь местоимением „они“ обозначается вся масса свободного населения. Действительно, описав на этот раз уже местный похоронный обряд, Ибн-Фадлан замечает: „Это, если он [умерший] был из [числа] главарей. Что же касается простого народа, то они делают со своими мертвыми [только] кое-что из этого [обряда]“ (209б 3—4). Таким образом, и в разбираемом нами месте, сопоставляя весь контекст, мы должны прийти к выводу, что фраза: „И [они] разделились на две партии“ относится к местным жителям болгарского царства вообще, а не к одному только народу саваз. Из рассказа также ясно видно, что это разделение на две партии уже второй этап событий, следующий после отказа „народа саваз“ повиноваться парю. При этом это разделение относится уже не только к саваз, но и к болгарским племенам, подвластным йылтывару Алмушу.

Но это еще не все. Говоря о местных жителях данной страны, Ибн-Фадлан обычно имеет ввиду все-таки главным образом те привилегированные круги, с которыми он непосредственно был связан. Уже в предыдущем примере, начав рассказывать о том, как „они“ поступают со своими мертвыми, он в первую очередь описывает аристократические похороны человека „из числа главарей“. О похоронах у простого народа он тоже упоминает, но только дополнительно, мимоходом. Очень ярко этот классовый подход Ибн-Фадлана виден в описании похорон у огузов, хотя последовательность изложения здесь несколько нарушена: „Если заболит из их числа человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему...“ (201б 2—3). „Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в степи“ (201б 4—5). „А если умрет человек из их числа, то для него вырывают большую яму...“ (201б 5). Эти фразы, следующие одна за другой, дают ясно понять, что „человек из их числа“ это не раб и даже не бедняк,—это представитель богатой племенной аристократии. Чувствуется, что собеседник Ибн-Фадлана, который ему это рассказывал (через переводчика, конечно), сам принадлежал к этой самой аристократии и выражался примерно так: „Если умрет кто-нибудь из нашей среды... и т. д.“.

В свете этих параллелей следует понимать и дальнейшую фразу нашего текста: „Одна партия [была] с отребьем, и над ними [еще раньше] провозгласил себя [самозванным] князем некто по имени Вырэг“ (208б 11—12). Это значит, что одна часть племенной аристократии объединилась с каким-то „от-

ребьем“. Разбор соответствующих мест у Ибн-Фадлана показывает, что под „отребьем“ он понимал рядовых членов племени, особенно бедняков¹¹⁸. В данном месте конкретно имеется в виду основная масса народа саваз. Что касается слов „и над ними“, то формально они могут относиться и к „партии“, и к „отребью“, и к тому и другому вместе¹¹⁹. Однако следует обратить внимание на давнопрошедшее время стоящего здесь глагола—„[еще раньше] провозгласил себя...“ Повидимому, Вырэг сначала стал во главе недовольных, т. е. „отребья“, а потом к нему вынуждена была примкнуть и племенная знать. Эта неясность зависит не только от некоторой неопределенности арабского языка, но и от того, что Ибн-Фадлан сам не был свидетелем происходивших событий. Он узнал лишь об их результатах, то есть об отказе повиноваться царю болгар. Но раз мы раньше пришли к заключению, что на две партии разделились не сувазы, а все население вообще, то отсюда следует, что Вырэг в конце концов оказался во главе партии всех недовольных, в которой сувазы составляли только ядро, но влияние которой простиралось и на болгарские племена. „Другая партия“ была не „с отребьем“, а „с князем из [кочевого] племени“—из قبيلة—„кабила“. Дальше сказано, что это был князь племени эскэл. Племя же это, как мы знаем из Ибн-Русте, представляло собою одно из болгарских племен, но отличное от тех собственно болгар, у которых князем был Алмуш. Конечно, это племя и его князь тоже при случае могли бы выступить и против Алмуша и против исламизации. Но в данном случае его верхушка, повидимому, была связана с теми кругами болгарской аристократии, которые стремились к укреплению центральной власти йылтывара. Ибн-Фадлан и здесь и в других местах подчеркивает, что „царь эскэлов“ был у „царя болгар“ в повиновении (208б 15; 209б 11). От того же Ибн-Фадлана мы узнаем, что царь болгар отдал за этого князя свою дочь (209б 11). Последнее обстоятельство не совсем ясно. Царь отказывался выдать первую свою дочь за хазарского хакана на том основании, что „он иудей, а она мусульманка“ (209б 9—10). Как же он мог отдать вторую свою дочь за князя эскэлов, если известно, что он еще не принял ислама? Поэтому надо полагать, что князь этот принял ислам, так сказать, частным образом, а официально этого сделать до описываемых событий не мог, конечно, ввиду оппозиции в собственном своем племени. Это хорошо видно из одного эпизода у огузов, тоже рассказанного Ибн-Фадланом. Именно, один из „царей и главарей“ огузов по имени Йынал принял было ислам. „Но ему было сказано: „Если ты принял ислам, то ты уже не главенствуешь над нами“. Тогда он отказался от своего ислама“ (201а 11). Родовой строй у огузов тогда был еще силен, а потому Йынал оказался изолированным. Князь же

эскэлов не только имел поддержку царя булгар, но, вероятно, также и знати своего собственного племени. Вот почему партия сторонников принятия ислама имела своим центром именно его и его окружение.

Вместе с тем, поскольку Ибн-Фадлан подчеркивает, что князь эскэлов был „князем из [кочевого] племени“, то противник его, „самозванец“ Вырӓг, очевидно, к кочевой знати не принадлежал.

Имя этого вождя масс в Мешхедской рукописи написано— وىرع (2036 12)—вҫс. Конечная буква „сайн“ специфически арабская, а потому должна читаться с точкой вверху, как ڍ — гайн—ҫ. Вторая буква совсем лишена точек, а потому может читаться как „б“, „н“, „т“, и „й“. Формально можно поставить любую из них. Однако, присматриваясь к графике Мешхедской рукописи, можно заметить, что переписчик чаще всего ленился ставить именно нижние две точки, причем в таких случаях зубчик он ставил именно такой формы, как в данном случае. Готовясь написать начальное „б“, „н“, или „т“, он ставил его резче. Таким образом вероятнее всего тут следует читать „й“¹²⁰. В таком начертании имя это может быть прочитано ближе всего к чувашскому языку как „Вырӓх“, хотя можно читать и „Вирӓх“. Во всяком случае начальное „вы“ или „ви“ для чувашского характерная форма. Наиболее близкие примеры: „выр“—жать хлеб, „выру“—жатва; „выран“ (произн. „вырһан“) — злوبيться, негодовать. Далее— „вырӓн“, „выльӓх“, „вырӓс“, — „вирӓм“, „вирлӓ“, „витӓр“, но также диалектически „вырйал“—литературное „вирьял“, диал. „вырман“—лит. „вӓрман“ и т. д.¹²¹ Наличие в конце этого имени звонкого фрикативного ҫ, не свойственно чувашскому языку. Мы ожидали бы „х“. Но надо учесть, что, по крайней мере в новое время, в связной речи конечное „х“ при дальнейшем гласном становится более звонким. Но главное то, что ведь это имя Ибн-Фадлан слышал в произношении окружавших его булгар, в наречии которых звонкие согласные имелись.

Совершенно аналогичную форму у Ибн-Фадлана имеет и название реки Утки, на которой впоследствии и стоял город Сувар. У него она пишется وىرع—вҫс (2036 4). Конечный „сайн“, конечно, должен читаться, как „гайн“. Имея ввиду, что название это, вообще говоря, имеет гласные заднего ряда (татарское „Удҫа“), я читаю—Ватыҫ, или Вӓтыҫ. Мы видим здесь те же фонетические особенности, что и в имени—Вырӓҫ с тем же конечным ҫ. Однако соседняя же, несколько более южная речка Майна—باىناخ (2036 4) должна, вероятно, читаться как Байнах—Байнах, то есть с глухим „х“ на конце. Поэтому возможно, что имя Вырӓҫ у самих суваз произносилось как Вырӓх.

Продолжаем просмотр текста. Царь булгар послал „им“, то-есть враждебной ему партии, угрозу заставить их повиноваться посредством меча. Так как он требовал в первую очередь перекочевки к реке Джаушыр, следовательно он обращался главным образом к кочевой знати, обладавшей стадами. Вряд ли он требовал этого от Вырыга, который возглавлял „отребье“ и которого он считал самозванцем. Дальнейшее сообщение, касающееся второй партии, как бы перебивает рассказ. Все же дальнейшая фраза „Когда же он [царь] послал им это послание, то [они] испугались...“ несомненно относится к первой партии, хотя эти слова стоят после сообщения о второй партии и формально должны бы относиться к этой последней. Надо однако принять во внимание, что йылтывар, клиент повелителя правоверных, обращался здесь также и ко всему населению своего царства, так как лица, не желавшие принимать ислама, несомненно, были не только у сувазов, но и у других племен. Вполне аналогичное заявление „Начальная летопись“ влагает в уста Владимиру Святославичу: „Аще не обрящется кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“¹²².

Наконец остается разобрать последнюю фразу в этом рассказе: „и все вместе, совместно с ним, поехали к реке Джаушыр“. Хотя Ибн-Фадлан как бы подчеркивает всеобщность переезда,—букв. „во всей своей совокупности вместе с ним“ (208б 16),—речь идет не о всей массе населения, а только о его кочевой части, т. е. главным образом о более зажиточной знати, обладавшей большими стадами. В отношении суваз речь идет тоже только о кочевой знати, которая сначала вынуждена была считаться „с [разным] отребьем“, а теперь получила возможность действовать в своих классовых интересах отдельно со знатью всех остальных племен.

Предыдущий разбор сообщения Ибн-Фадлана о событиях, сопровождавших принятие ислама Булгарским царством в 922-ом году, как кажется, достаточно выясняет основные обстоятельства этого события. В статье „Посольство халифа к царю волжских булгар в 921—922 г. г.“¹²³ я уже имел случай более или менее детально рассмотреть вопрос о связанных с этим внутренних причинах и международных обстоятельствах. Официальное принятие ислама было нужно для булгарской знати во главе с йылтываром для того, чтобы укрепить и идеологически оправдать свое господство над остальным населением, то есть как над „простым народом“ (209б 4) самих булгарских племен, так и над небулгарским или обулгаренным коренным населением края. Принятие ислама должно было, кроме того, укрепить Булгарское царство в борьбе с Хазарией, чтобы, во-первых, противопоставить „мусульманское“ государство булгар хазарскому каганату, где господствующий класс принял юдаизм, а во-вторых, найти поддержку со сто-

роны мусульманской партии в самой Хазарии. Стремление болгарского царя завершить исламизацию путем установления непосредственной связи с багдадским халифом определялось с одной стороны желанием укрепить свой авторитет, в частности в глазах среднеазиатских мусульманских правителей, принятием титула „клиента повелителя правоверных“, с другой стороны наличием сложных политических взаимоотношений между народами, расположенными на южных торговых путях, в том числе родственного союза болгарского царя с начальником войска огузов.

Так как конец Мешхедской рукописи утерян, то мы не имеем конкретных сведений о том, что произошло на съезде болгарской знати на реке Джаушыр и тем более о дальнейших событиях у народа суваз. „Здесь, — говоря словами Н. И. Ашмарина, — пока возможны только одни гадательные предположения, которые редко ведут к истине“¹⁻⁴.

Но все же, если с одной стороны учесть, что названия *саваз-савас* и *чаваш* являются лишь видоизменениями того же самого слова, а с другой стороны обратить внимание на замечательный факт, указанный П. Г. Григорьевым, что чувашши, также как и сувазы в 922-ом году, в продолжение многих веков упорно не хотели принимать ислама, нельзя не увидеть тесную связь между обоими народами. Вместе с тем мы видим, что первоначально сувазы в основном находились на левом берегу, чувашши же вот уже много веков живут на правом берегу Волги. Отсюда предположение о постепенном переселении на правый берег напрашивается само собою. Это было, конечно, связано с нежеланием подчиняться господству болгарской знати и ее новому государственному порядку. На первых порах исламизация носила поверхностный характер и касалась главным образом знати. Сами болгары не отличались особенным миссионерским рвением. При этом, повидимому, значительная масса суваз оставалась еще долго на левом берегу Волги на торговом пути в Среднюю Азию. Многочисленные заимствования в чувашском языке из арабского очень стары и в основном не восприняты через посредство татарского языка. Отчасти они отражают даже непосредственное соприкосновение с арабами¹²⁵, то есть относятся к очень ранней эпохе десятого или может быть даже девятого века. Однако, начиная уже с десятого века оставшиеся на месте сувазы постепенно сливаются с булгарами. Остальная же часть переселяется все далее и далее на запад, и смешиваясь с местными племенами, образуют здесь компактную народность, унаследовавшую старое название *саваз-чаваш*.

Что касается долины реки Утки, то здесь уже вскоре после описанных у Ибн-Фадлана событий было заложено новое жолунезависимое княжество. Центром этого княжества стал новый город Сувар. Экономический расцвет этого города и

рост его политического значения определялись тем обстоятельством, что он лежал непосредственно на большом торговом пути в Среднюю Азию, причем посредством реки Утки, которая для тогдашних судов была судоходна, он был связан также с бассейном Волги. Ибн-Фадлан, несомненно, проезжал это место, когда переправлялся здесь через упомянутую реку, но никакого города на этом месте не упоминает, так как он тогда еще не существовал. Правда, не существовал тогда и город Булгар, но, как показывают раскопки Болгарского городища, именно на так называемом Бабьем Бугре, на этом месте все же имелось очень старое поселение, восходящее еще к добулгарскому времени¹²⁶. Раскопки же на месте Суvara не обнаружили никакого более раннего догородского поселения. Ведший эти раскопки А. П. Смирнов прямо говорит: „Вал этой части городища насыпан на слое погребенного чернозема, что дает право говорить о возникновении города не на старом поселении, а на новом месте“¹²⁷. Среди найденных здесь вещей, как отмечает тот же археолог, „имеются отдельные экземпляры с характерными хронологическими границами, укладываемыми в рамки X—XIV вв.“¹²⁸ Однако, хотя этот „новый“ город Сувар, возник уже вскоре после приезда Ибн-Фадлана, он сразу же начинает играть выдающуюся экономическую и политическую роль. В Суvаре не только создаются мощные укрепления, но уже в 948/949-ом году были выбиты монеты с названием этого города. Таким образом город Сувар возник и успел сделаться крупным политическим центром в промежуток времени от 922 до 948 года, то есть в течение каких-нибудь 26 лет.

На этом вопросе следует остановиться. В начале X века в булгарском царстве не было своей металлической монеты. Ибн-Русте по этому поводу говорит: „Главное их имущество—куницы. У них нет денег. Право же, дирхемы у них—куницы, причем одна куница обращается среди них [по цене] в два с половиной дирхема. И право же, белые круглые дирхемы привозятся из областей ислама и они их покупают“¹²⁹. Аналогичное сообщение имеется и у Ибн-Фадлана, но только не о булгарах, а о русах. Правда, оно сохранилось не в Мешхедской рукописи, а в персидских пересказах XII и XVI веков, но принадлежность его Ибн-Фадлану весьма вероятна. Так, у так называемого А. Туси читаем: „Дирхемы русов это шкурки белки и соболя, без шерсти, но с хвостом, передними и задними лапами, когтями и головой. Если чего-нибудь недостает, то от этого шкурка становится бракованной. Их [эти деньги] оттуда вывозить нельзя,—их отдают за товары¹³⁰. Весов там не имеют, но только стандартные слитки [металла]“¹³¹. Как видим, об обмене на серебряные среднеазиатские дирхемы здесь нет речи. Но Ибн-Фадлан также рассказывает о том, как торговец-рус, прибывший на базар в страну булгар, про-

сит своего бога, чтобы он послал ему „купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы“ (210б 9). Привезенных с собою соборей этот купец в данном случае уже продавал за звонкую монету. Однако все же своей металлической монеты и в это время в болгарском царстве не было. Ее появление тесно связано с признанием над собою верховного главенства халифа. Именно с того времени, когда царь болгар признал над собою „верховную власть повелителя правоверных“ (208б 13) и стал официально называть себя его „клиентом“ (с пятницы 17 мая 922-го года), стало возможным помещать и на монетах, поскольку таковые начали чеканиться, рядом с именем соответствующего халифа имя местного правителя. Правда, вначале этого, повидимому, не делалось по техническим причинам.

Р. Р. Фасмер в своем исследовании „О монетах Волжских Болгар X века¹³²“ на большом фактическом материале показал, что на берегах средней Волги в значительном количестве чеканились саманидские монеты местной „варварской“ чеканки, на которых сохранялись все легенды их оригиналов, то есть названия городов и годов чеканки в саманидском государстве, а также имя тогдашнего саманидского эмира. Бывали случаи, когда название среднеазиатского города заменялось названием города Булгара или Суvara¹³³. При этом, хотя все легенды указывают на саманидское государство, это ни в коем случае не означает, что упомянутые два города входили в состав этого государства.

Между тем болгарский князь Микаил ибн-Джа'фар, повидимому, сын того самого болгарского царя Алмуша, который по совету Ибн-Фадлана принял мусульманское имя Джа'фар, начал заменять на дирхемах имя саманидского эмира своим собственным. При этом опять таки города и годы монеты-оригинала сохранялись. Так, с именем этого Микаила имеются дирхемы, носящие названия городов и дат чеканки: Самарканд—306 год хиджры (918—919 г. н. э.), Шаш (Ташкент), Балх, Нишапур—308 г. х. (920—921 г. н. э.)¹³⁴. Эти годы отнюдь не соответствуют времени чеканки данной монеты, а взяты механически с тех образцов, с которых она копировалась. Это обстоятельство вводило в заблуждение прежних исследователей, которые считали, что упомянутый на этих монетах Микаил ибн-Джа'фар действительно был какой-то правитель в Средней Азии, узурпировавший власть саманидского эмира. Недоразумение разъяснилось, когда в 1913-ом году в Эстонии была найдена монета с этим же именем, но с указанием, что она чеканена в „городе Булгаре“. Это дало возможность Р. Фасмеру установить, что этот Микаил ибн-Джа'фар был именно болгарским князем¹³⁵. К сожалению, год чеканки на монете отсутствует.

Следующая серия монет, которые чеканились в городе Булгаре, уже систематически носят на себе название этого

города и относятся в основном к 366 году хиджры (976—977 г. н. э.) и одна к 370-ым годам хиджры, то-есть к 980—991 годам н. эры (цифра единиц не может быть прочитана). Чеканил их болгарский князь Мумин ибн-ал-Хасан. Его правильное имя, как кажется, окончательно установил Р. Фасмер на основании сличения шести монет¹³⁶.

Тем временем еще с 337 года хиджры (948—949 г. н. эры) началась чеканка своих монет в городе Суваре. Эти монеты носят имя князя Талиба ибн-Ахмеда и отмечены годами хиджры 337, 338, 341 и 347, то-есть относятся к периоду с 948 по 959 год н. э.¹³⁷ Битье монеты со своим именем считалось признаком суверенности правителя, так что в это время город Сувар был центром самостоятельного княжества. Повидимому, он переживал в то время экономический расцвет. Р. Фасмер отмечает, в отличие от „варварской чеканки“ монет Михаила ибн-Джа'фара, „изяжные монеты Талиба ибн-Ахмеда“¹³⁸. Сколько времени продолжалось самостоятельное существование Суварского княжества, установить трудно. Имеется монета некоего Мумина ибн-Ахмеда, датированная 366 годом х. (976—977 г. н. э.), на которой Х. Френ читал название Суvara. Однако в такой же мере возможно и чтение „Булгар“¹³⁹. Несомненно, что дальнейшие исследования в этой области могут еще многое выяснить. Так, еще не все найденные монеты достаточно изучены или даже описаны. Следовало бы обратить внимание на особые знаки, имеющиеся на двух монетах 976—977 года,—именно, на монете, выбитой в Булгаре, знак вроде перевернутой буквы А, а на монете, на которой Х. Френ читал название города Суvara, нечто вроде лежащей на боку буквы Т с боковой черточкой¹⁴⁰. Возможно, что это тамги булгар и суваз.

Мы не можем сомневаться в том, что народ суваз в это время оставался коренным населением нового княжества. Однако, приняв мусульманство, жители города Суvara и его окрестностей несомненно вскоре утратили свои бытовые и языковые отличия и окончательно слились с булгарами. Это проявляется прежде всего в самом названии города Сувар, с „р“ на конце. Куфическое письмо на монетах не дает возможности различить буквы „р“ и „з“, которые пишутся одинаково¹⁴¹. Однако сообщения различных восточных авторов и позднейшие надгробные надписи Булгарского царства не оставляют сомнения в том, что обычное наименование этого города произносилось с конечным „р“. Таким оно сохранилось в местном произношении вплоть до наших дней. Это не значит, что другое произношение исчезло. Та часть населения, которая сохраняла свои прежние диалектические особенности, перенесла на этот город старое племенное название „саваз“ или „цаваз“, что и могло найти свое отражение в написании

некоторых рукописей (ал-Идриси). После монгольского нашествия местное население начало усиленно переселяться на правый берег Волги и дальше на запад, на левом же берегу власть захватила кыпчакская знать. Булгария стала частью Золотой Орды. Золотоордынские ханы, особенно Узбек (1312—1340), проводили дальнейшее насильственное насаждение ислама, посылали в соседние языческие области миссионеров и т. д. Восточная часть нынешней Чувашии, именно область анатри, вошла непосредственно в состав Булгарского ханства (теперь мы можем его так называть). Однако чувашаи в массе своей не приняли ислама и не отатарились. Что же касается области на левом берегу, то здесь приток кыпчакского элемента и его господствующее положение привели к тому, что население утратило свой прежний язык. Н. Ф. Калинин в своей работе „К вопросу о происхождении казанских татар“¹⁴² показывает этот процесс на материале надгробных надписей послемонгольской эпохи. Выделив с одной стороны роскошные памятники новой знати с надписями на татаро-кыпчакском языке (главным образом в городе Булгаре) и с другой стороны массу бедных памятников с элементами чувашского (т. е. болгарского) языка, Н. Ф. Калинин устанавливает категорию надписей, принадлежащую средней группе. Это—„средняя этническая группа, искони жившая в Булгарии, которую можно назвать тюрко-чувашской или суварской, имевшей в более ранние века свой политический центр (г. Сувар), свою феодальную знать“—„С утратой Суваром прежнего положения, с возвышением г. Булгара, а затем с монгольским завоеванием и сильной перетасовкой населения, в частности потомки суварской знати, утратившие политическое значение, оказались на положении былой аристократии, державшейся старых традиций в языке, обычаях“¹⁴³. Надо однако заметить, что в эту эпоху, поскольку это касается левого берега, эти „старые традиции“ могли быть уже только болгарскими. Только феодальная знать, осевшая в области анатри, могла иметь нечто общее с чувашским населением. Точно также совершенно напрасны попытки искать диалектические различия в языке надписей, основываясь на нисбах „булгари“ и „сувари“¹⁴⁴. Ясно, что происхождение умершего отнюдь не определяет характера того языка, на котором написана его эпитафия. Во всяком случае в это время судьба города Суvara не была связана с чувашским народом, который уже давно жил своей собственной жизнью.

Подведем некоторые итоги:

1. В начале X века на левом берегу Волги существовали с одной стороны болгарские племена,—в основном три: собственно болгары, эскэл и барсула,—с другой стороны большое племя или „народ“, носивший название „сăваз“ или „суаз“, которое к числу болгарских племен не принадлежало. Племя

это жило в районе реки Утки, а может быть уже в то время частично на правом берегу Волги.

2. Язык этого племени или „народа саваз“, возможно, уже в то время был болгарский, но с некоторыми диалектическими особенностями, в том числе с наличием звука „з“ или „џ“ на месте некоторых болгарских „р“, а также, вероятно, с преобладанием глухих согласных. Самое название племени является древней формой названия „чаваш“ и, надо полагать, было местного происхождения.

3. Во главе каждого из болгарских племен стоял князь, титул которого Ибн-Фадлан передает арабским словом „малик“ или „эмир“. Так, был князь болгар, князь племени эскэл и другие. Князь болгар, кроме того, присвоил себе более высокий титул „йылтывар“ (эльтэбэр), к которому после принятия ислама был добавлен титул „клиент повелителя правоверных“. Йылтываром в начале X века был болгарский князь Алмуш. В 922-ом году он правил уже по крайней мере 15—20 лет.

4. Болгарская знать и их князь, или „царь болгар“, сохраняли в основном кочевой образ жизни и жили в юртах. В 922-ом году городов еще не было. Ставка царя находилась в местности Трех Озер в шести километрах от Волги, где на берегу был постоянный базар,—так называемое „место Атл“. Царь находился здесь весной, когда с вскрытием и разливом реки сюда прибывали торговцы с верховьев Волги и Камы, из Хазарии, а также купцы из Средней Азии. Царь лично взимал $\frac{1}{10}$ часть пошлины с товаров и рабов. В то же время стада болгар паслись в этом районе. В середине лета племенная знать перекочевывала на восток к башкирским степям, где оставалась около двух месяцев. Зимой, во время сезона охоты на пушного зверя, царь взимал дань с оседлого населения по одной шкуре соболя с дома. Оставаясь в это время главным образом в своей ставке у Трех Озер, он в то же время, вероятно, совершал полюдье, пользуясь замерзанием Волги и других рек. С открытием навигации он снова начинал взимать пошлину с приезжих купцов.

5. Наличие князей и главы нового слагающегося государства—йылтывара отражало уже далеко зашедшее классовое расслоение. При этом племенная, в основном кочевая, знать, князья и в первую очередь сам царь болгар, для упрочения своего господства стремились насадить ислам, как государственную религию.

6. В составе племени саваз также имелась кочевая родовая знать. Основная же масса племени, по выражению Ибн-Фадлана „отребе“, была, вероятно, оседлая, земледельческая.

7. В 922 году, когда с приездом посольства халифа, йылтывар Алмуш решил окончательно закрепить свою власть путем официального принятия ислама, „народ саваз“ отказался подчиниться его требованиям. Основой этого движения

были рядовые члены племени под руководством своего вождя по имени Вырэх, который происходил не из кочевой знати. Опираясь на массу недовольных, Вырэх захватил власть в племени сáваз и заставил племенную знать подчиниться себе.

8. Это оппозиционное движение нашло отражение и в других племенах, повидимому, среди народных масс, причем образовалась партия враждебная исламизации с центром в племени сáваз.

9. Другая партия, — сторонники йылтывара, — имела своим средоточием кочевую знать племени эскэл, во главе с князем этого племени, который был женат на дочери царя булгар.

10. При таких обстоятельствах князь племени булгар, он же йылтывар Алмуш, принявший мусульманское имя Джафар, пригрозил войной и заставил „народ сáваз“ и в первую очередь его кочевую знать подчиниться своей власти, после чего эта знать вместе с кочевой знатью булгарских племен и с князем булгар откочевала в сторону башкирских степей к речке Джаушыр (ныне Гаушерма), где и было окончательно оформлено принятие ислама.

11. После этого в ближайшие годы в болгарском царстве был основан город Булгар, а в области „народа сáваз“ в промежутке между 922 и 948 годами возник город Савар. Находясь непосредственно на торговом пути в Среднюю Азию и связанный к тому же рекой Ватыг (Утка) с Волгой, этот город быстро расцветает экономически, конкурируя с городом Булгар.

12. Политически город Савар в промежутке между 948—959 годами, а может быть и до 980-ых годов, был центром особого княжества, в котором князь чеканил менету со своим именем, что было признаком суверенности.

13. С принятием ислама происходит окончательная болгаризация знати племени сáваз, что отражается также и в названии нового города Савар с конечным „р“. В дальнейшем Савар теряет свою политическую самостоятельность и окончательно подчиняется Булгару. Между тем основная масса племени, повидимому, все же отказалась подчиниться новым порядкам и начала постепенно переселяться на правый берег Волги, где часть племени жила, вероятно, и раньше. При этом она сохраняла свою языческую религию и некоторые особенности своего наречия. Из смешения этой части „народа сáваз“ или „дáваз“ с местным населением правого берега Волги образовался чувашский народ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XVIII, 1902 г., стр. 1—132.

² Сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала той же Академии 25—26 апреля 1946 г. и сессия того же Отделения Академии совместно с Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории 30—31 января 1950 г.

³ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правды“, 1950 г., стр. 5.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ П. Н. Третьяков. „Средневековые феодальные поселения ЧАССР“. Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 5—6.

⁶ От арабских путешественников (Абулхамид ал-Андалуси ал-Гарнати) мы знаем, что у булгар до монгольского завоевания имелась историческая литература. Однако, повидимому, она погибла. Л. З. Заляй (Л. З. Залялетдинов) в своем докладе на упомянутой выше сессии 25—26 IV—1946 г. „К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка)“ указывал на наличие каких-то сочинений из эпохи Булгарского царства XI—XIII веков, однако конкретных данных не привел (Сборник „Происхождение казанских татар“, Казань. 1948 г., стр. 81 и 89). В своем ответе на вопросы (там же, стр. 156) он сослался на некое сочинение—„Насихат ас-салихин“, написанное будто бы в X—XI вв., однако без дальнейших объяснений.

⁷ Следует однако заметить, что прежнее пренебрежительное отношение к татарским письменным источникам неоправдано. Источники эти требуют критического изучения с целью установить степень их достоверности и извлечь интересные имеющиеся в них фактические данные.

⁸ „Труди Историчного факультету Харківського держ. университету ім. О. М. Горького“, т. 2, 1952 р., стор. 143—157.

⁹ „Исторические записки“, т. 35 (1951), стр. 265—293.

¹⁰ Указанная статья, стр. 293.

¹¹ Это сокращение в скобках здесь и в дальнейшем означает: „Мешхедская рукопись сочинения Ибн-Фадлана (в дальнейшем „М“ пропускаю), лист 2С6, лицевая сторона („б“ означало бы обратную сторону), строки 7—8“. Фотографическое воспроизведение арабского текста рукописи см. в приложении к книге „Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу“, М.—Л., 1939 г.

¹² Как установил Н. Д. Миклухо-Маклай, действительное имя этого автора Наджиб Хамадани. В. И. Беляев „Арабские рукописи в собрании Ин-

ститута востоковедения Акад. Наук СССР". Ученые записки Инст. востоковедения. Т. VI, М.—Л., 1953 г., стр. 59 прим. 4.

¹³ Венгерский ученый К. Цегледи также приходит к выводу, что Ибн-Фадлан во время своего путешествия вел дорожные записи, причем по возвращении, уже в Багдаде, составлял свое описание, комбинируя их довольно механически. K. Czeglédy, „Zur Meschheder Handschrift von Ibn Fadlans Reisebericht“, Acta orient. hung, Tom. I, fasc. 2—3, pp. 221, 243.

¹⁴ Якут „Географический словарь“. Издание Вюстенфельда, т. IV, стр. 509. Перевод С. Богдановой-Березовской. „Материалы по истории туркмен и Туркмении“, т. I, М.—Л., 1939 г., стр. 434.

¹⁵ См. „Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу“. Перевод и комментарий под ред. академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939 г., стр. 22. Там же на стр. 21—30, 172—174 даны подробные сведения об этой рукописи и о ее фотографии, находящейся в Рук. отделе Академии Наук СССР, а также приводится подробная литература о ней.

¹⁶ Из первого сообщения об этой рукописи, основанного на непосредственном знакомстве с ней, мы узнаем, что рукопись эта без переплета, не имеет ни начала ни конца и очень стара. См. „Мешхедская рукопись Ибн-ал-Факиха (представлено акад. В. В. Бартольдом)“. Изв. Росс. Акад. Наук, VI серия, 1924, № 1—11, стр. 237—248.

¹⁷ О средневековой арабской графике см. специальные работы В. А. Крачковской „Эволюция куфического письма в Средней Азии“, Эпиграфика Востока. III (1949), стр. 3—27 и „Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в.“, Эпиграфика Востока, VI (1952), стр. 46—100.

¹⁸ Некоторые данные о манере письма Мешхедской рукописи см. „Пут. Ибн-Фадлана на Волгу“, 1939, стр. 25.

¹⁹ Исключение составляет, повидимому, лишь один случай, где вместо первоначального **عبور** — „переправы“, в Мешхедской рукописи стоит **عيون** (199a 5) — „источники“. Но здесь замена конечного „р“ на „н“ и „б“ на „й“ произошла через посредство нового осмысления слова, которого переписчик не разобрал. Аналогичный случай с заменой тех же самых слов, как кажется, имеется у Ибн-Русты в описании страны славян, в которой, как он говорит, имеются „густые леса и источники воды“. — **عيون ما** а правильное чтение **ما عبور** — „переправы через воду“ (Библ. арабских геогр., VII, стр. 143, с-ки 8—9). То же и у ал-Марвази, — „Sharaf al-zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India“. Arabic Text (circa A. D. 1120) with English Translation and Commentary by V. Minorsky. The Royal Asiatic Society. 1912, стр. *22, строки 13—14, и в издании „Арабская хрестоматия“. Составил Л. З. Писаревский, Л., 1950, стр. 188, с-ка 13. Это не было исправлено в статье Б. Н. Заходера „Еще одно мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв.“ Изв. Всесоюзного географ. общества, т. 75 (1943), вып. 6, стр. 26, прим. 6.

²⁰ Весьма знаменательно, что форма глагола **يجيئون** — „они приходят, прибывают“ через упрощение — **يجون** в Мешхедской рукописи превращается в **يجوز** (2066—5; 209a 16; 210a 11; см. „Пут. Ибн-Фадлана“, 1939 г., стр. 25;

стр. 128.—прим. 7446 и стр. 135.—прим. 817). Таким образом это начертание здесь совершенно не отличается от глагола جاز, например, в выражении لا يجوز — „нельзя“ (201а 19; 2036 14). Написание союза ان в форме ان (1976 14), повидимому, зависело от стремления сократить место. Особый случай превращения в арабском слове „р“ в „н“ см. выше в примечании 19.

²¹ Подробные данные об этой рукописи и об отношении ее к подлиннику см. „Путеш. Ибн-Фадлана на Волгу“, 1939 г., стр. 175—176.

²² Во всех словах этого списка „г“ фрикативное.

²³ Обзор этих рек и соответствующую карту см. в работе: А. П. Ковалевский „Вивчнення подорожі Ібн-Фадлана на Волгу“ (см. прим. 8), стр. 154—157.

²⁴ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 90.

²⁵ Там же, стр. 91.

²⁶ С. Е. Малов, „Древние и новые тюркские языки“. Изв. Акад. Наук СССР. Отдел литературы и языка, т. XI (952), вып. 2, стр. 139.

²⁷ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 124—126.

²⁸ Ср. реку Баран, прим. 35 и 102.

²⁹ А. П. Ковалевский, „О степени достоверности Ибн-Фадлана“. Историч. Записки, № 35 (1950), стр. 288, прим. 138.

³⁰ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 51—55.

³¹ Ср. абак.—бзен — „сердцевина“, бзек, бзёк—„внутренность“, „речка“ (В. Вербицкий, „Словарь алт. и аладагск. наречий“. 1884, стр. 227); башк.—үзәк—„русло реки“, үзәк—„лощина, долина“; кирг.—ороон—„долина“; тур.—böz—„внутренность, сердцевина“.

³² Сравни, однако, варак — „промоина, овражек“, „дупло дерева“ (Н. И. Ашмарин, „Словарь чувашского языка“, V, стр. 174).

³³ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 52.

³⁴ См. С. М. Шпилевский, „Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии“. Казань, 1877 г., стр. 574. Озеро указано в описании булгарского городища XVIII в. у Н. И. Ашмарина, „Болгары и чуваша“, стр. 53.

³⁵ Об этой реке см. ниже—прим. 102.

³⁶ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 34.

³⁷ Например, башк.—күз. тур.—göz.

³⁸ См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, „Золотая Орда и ее падение“. М.—Л., 1950 г., стр. 258, 339, 343, 350, 360, 361, 379, а также В. Г. Тизенгаузен, „Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды“, М.—Л., 1947, II, стр. 167, прим. 2. Важный первоисточник для выяснения происхождения этих вариантов: „Histoire des conquetes de Tamerlan intitulee Zafar nama par Nizamuddin Sami“. Edition critique par Felix Tauer, T. I. Texte persan de Zafar nama. Praha. 1937.

³⁹ С. Е. Малов, „Древние и новые тюркские языки“. Изв. Акад. Наук СССР. Отдел лит. и яз., т. XI, вып. 2. М., 1952, стр. 137.

⁴⁰ См. также В. Г. Егоров, „К вопросу о происхождении чуваш. и их языка“. Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VII (1953), стр. 78—79.

⁴¹ Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 4. (1927 г.), Баку, стр. 135—146.

⁴² М. Г. Худяков, Ук. соч., стр. 139.

⁴³ Z. Validi. „Ibn Fadlan's Reisebericht“, Leipzig, 1939, стр. 74—75, прим. 2, считает чтение „суван“ или „суваз“ в Мешхедской рукописи и у ал-Идриси „ошибкой“ переписчиков. В дальнейшем, однако, он замечает, что если бы форма „суваз“ действительно существовала, то она должна бы быть приписана только „3-говорящим тюркам“. В экскурсах на стр. 200—201, исходя из своих пантюркистских концепций, тот же автор заявляет, что „сувар~чуваш еще не означает тождество обоих народов“, и в дальнейшем изложении дает нагромождение ссылок на всевозможные восточные источники и на работы разных исследователей, которое совершенно запутывает вопрос. Автор видит „сувар“ повсюду—не только на Сев. Кавказе (савиры), но и в Средней Азии, в „Западном Туркестане“, который он считает их родиной. Вместе с тем он отождествляет сувар с хазарами, бургасами, жителями Саксина (или „Саксинов“, ибо по З. Валиди их было несколько) и так далее. Вряд ли таким путем можно разрешить какие бы то ни было исторические вопросы.

⁴⁴ Сборник „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948 г., стр. 143.

⁴⁵ Там же, стр. 104.

⁴⁶ Советская этнография, 1950 г., № 3, стр. 81.

⁴⁷ Там же, стр. 90—91.

⁴⁸ Там же, стр. 69—70.

⁴⁹ Там же, стр. 180.

⁵⁰ Там же, стр. 51. П. Н. Третьяков при этом ссылается на статью А. П. Смирнова в сборнике „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948.

⁵¹ Там же, стр. 52.

⁵² Géographie d'Edrisi. Traduite d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du roi par P. Amédée Jaubert. Paris, vol. I (1836), vol. II (1840).

⁵³ За присылку мне фотографии нужных мне страниц этой рукописи выражаю свою благодарность сотруднику Публ. библиотеки арабисту П. Г. Булгакову.

⁵⁴ Слово „палатки“ беру из перевода А. Жобера, т. к. в ленинградской рукописи это место неясно.

⁵⁵ Ал-Идриси, VI географический пояс, 6 сектор. Рук. Публ. библ. шифр АНС 176, стр. 133а, строки 19—21. У Жобера, Ук. соч., т. II, стр. 404.

⁵⁶ Конечно, весьма важно было бы произвести надлежащее исследование всего данного сообщения ал-Идриси в целом. Еще Д. Хвольсон („Известия о хазарах, бургасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Дастан“, Спб., 1869, стр. 75) высказал предположение, что в данном случае ал-Идриси ошибочно повтрил известное сообщение ал-Балхи или Ибн-Хаукаля о том, что в стране болгар есть два города Булгар и Сувар, которые будто бы ал-Идриси перенес к бургасам и переименовал в Бургас и Саван. Подтверждение этому, дескать, может служить то, что и Якут, уже в XIII веке, в своем „Географическом словаре“ в статье о бургасах явно перемещал сообщения о бургасах и о болгаргах. Такую же ошибку будто бы делает в том же XIII веке и Закария ал-Казвини. С. М. Шпилевский в своей книге „Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казань

ской губернии», Казань, 1877, в разделе «Мнимые буртасские города» (стр. 55—57), основываясь на этих соображениях и прямых свидетельствах некоторых авторов, отрицает, что у буртасов были какие-либо города. Однако все это лишь предположения, не основанные на всеобъемлющем критическом исследовании всех данных. Мы пока что все же не знаем, каким источником в данном случае пользовался придворный географ сицилийского короля Роджера II, когда в 1154 году составлял карту мира и писал свое географическое сочинение. О районе Восточной Европы он мог собрать сведения в то время, когда в 1116—1117 году лично побывал в Малой Азии. Однако он обращался и к географическим сочинениям. Правда, как сказано, Ибн-Фадлан ему не был известен. Но на Ибн-Хаукаля, описывая более южные области, он ссылается семь раз, а говоря о северных областях, три раза, именно: 1) О Каспийском море и Волге (изд. Жобера, II, стр. 332); 2) Об области русов Арт[th]анийя (там же, стр. 401) и 3) о краткости зимних дней у болгар (там же, стр. 402). В разбираемом месте ссылки на Ибн-Хаукаля нет. Очень интересны у ал-Идриси варианты других географических названий из области Поволжья, в том числе и по ленинградской рукописи. Но все это требует особого исследования.

⁵⁷ Н. И. Ашмарин, «Болгары и чувашы», стр. 45.

⁵⁸ Там же, стр. 132.

⁵⁹ Там же, стр. 116—117. Современный чувашский язык, если не считать заимствованных слов, не допускает стоящих рядом двух гласных (В. Г. Егоров, «Введение в изучение чувашского языка». М. 1930 г., стр. 50).

⁶⁰ Название павлина по-арабски пишется *طاووس* и читается «та̄вус». Но это же слово по-персидски будет *طابوس* и читается «та̄ус».

⁶¹ Транскрипция «джавашîр», данная в книге «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», 1939 г., стр. 189 («Указатель»), носила чисто формальный характер.

⁶² Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XI, вып. 5, Казань, 1893, стр. 478—481.

⁶³ Этот оттенок арабского «дж» отмечал А. Е. Крымский, обсуждая возможное произношение названия медового напитка у болгар, о котором говорит Ибн-Фадлан (204а 13). Он дает варианты: «содж[ь]у», «сидж[ь]у», «садж[ь]w» «содж[ь]w», «сидж[ь]w». См. Акад. Ол. Шахматов—акад. Аг. Крымский «Нариси з історії української мови», Київ, 1924, стор. 132, прим. 2.

⁶⁴ Н. И. Ашмарин, «Болгары и чувашы», стр. 78.

⁶⁵ На эту мягкость арабского «;» — «зайн», как на «самое мягкое съ», обратил внимание еще Х. Френ в связи с разбором надписей на монетах из Суvara.—Ch. Frähn, «Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X Jahrhundert n. Ch.», Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pet., VI série, t. I. (1832), p. 204, not. 72.

⁶⁶ Х. Френ. Ук. соч., стр. 204, прим. 74. Рукопись этого сочинения, по словам Х. Френа, находилась в то время в Казани. Впоследствии, в 1855-ом году, она, вероятно, была передана на Восточный факультет Петербургского университета (М. Андреев, «Восточные рукописи Казанского гос. университета», журнал Библиотекарь, 1951, № 5, стр. 29). См. также С. М. Шпилевский, «Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской

губернии“, Казань, 1877 г. Источник этот, повидимому, ранний, т. к. в нем упомянуты города Булгар, Сувар и Ошель, но нет города Биляра.

⁶⁷ З. В а л и д и, Ук. соч. (см. прим. 43), стр. 207. Приведенный здесь в немецком переводе текст довольно интересен: „Буртас и Булгар—две мусульманские области и города с соборными мечетями. Рядом с ними находится другой город,—который называется Шувар“—مدینة اخرى، تسمى شووار. Эта рукопись Ибн-Хаукаля, повидимому, находится в Стамбуле (Seğay, № 3346) и относится будто бы к 479 г. хиджры—1086—1087 г. н. эры. Авторство Ибн-Хаукаля, который сам побывал в Булгарском царстве, и древность данной рукописи (XI в.) заставляет отнести к приведенному сообщению с некоторым вниманием. Однако без детального критического исследования использовать надлежащим образом эти данные нельзя.

⁶⁸ А. П. К о в а л е в с к и й, „О степени достоверности Ибн-Фадлана“. Исторические записки, № 35(1950), стр. 288—289.

⁶⁹ Таков формально точный перевод. Однако сличение данного оборота со многими другими аналогичными местами у того же Ибн-Фадлана показывает, что здесь следовало бы перевести—„послал за народом“.

⁷⁰ То-есть, конечно, Аллаха, а не халифа.

⁷¹ Н. И. А ш м а р и н, „Болгары и чувашы“, стр. 55—56.

⁷² П. С е м е н о в, „Географическо-статистический словарь Российской империи“, т. V, 1885, стр. 206.

⁷³ На это указывал еще Х. Френ в указ. соч. (см. прим. 65), стр. 200, прим. 61.

⁷⁴ Высказываю предположение, что может быть это—старая форма местного падежа или отглагольное существительное. Различные близкие формы по „Словарю чувашского языка“ Н. А. Ашмарина: „Ун чухне хёллеччэ (была зима), санталак пит сивёччэ“ (т. XVII, стр. 19); „хёллешён (на зиму)“ (там же, стр. 19 и 20); „хёллеме“ (там же, стр. 17, под словом „хёлхёлле“).

⁷⁵ Этому соответствует известный рассказ Константина Порфирородного о том, как славяне и русы снаряжали свои суда на Днепре ранней весной и спускались до Киева. Однако на Днепре они отправлялись по торговым делам в Византию не ранее июня. Это, повидимому, зависело от необходимости выждать спад воды на порогах. На Волге же этой задержки не было и навигация начиналась раньше. Зимой киевские князья ходили на полюдьё. Вероятно, то же делал и болгарский царь.

⁷⁶ „Документы, касающиеся открытия Казанского наместничества (1780—1783 г. г.)“. Изв. Общества арх., ист. и этнографии при Казанском университете. Том XVIII, вып. 4—6 (1908 г.), стр. 210.

⁷⁷ По арабски здесь стоит صحرا—„сахра“, что значит „степь“, но также и вообще „дикая местность“.

⁷⁸ В разбираемом нами сообщении Ибн-Фадлана говорится, что на берегах речки Джаушыр росли деревья хаданг. Слово это тюркского происхождения, но значение его до сих пор вызывает споры. Есть основания полагать, что это береза, хотя значение „береза“ имеет и похожее на него слово халандж. Последнее находим у Ахмеда Туси или, вернее, Наджиба Хамадани в одном пересказе из Ибн-Фадлана о той же местности (А. Туси, „Чудеса творений и диковинки созданий“. Рук. Инст. вост. Акад. Наук СССР,

Ms. Or., D 129, стр. 2076—208а). Некоторые восточные авторы пишут это последнее название **خولنج** — хуланж (R. Dozy „Supplement aux dictionnaires arabes“, I, Leyde, 1881, стр. 400). Такой переход первой гласной в „у“ свойственен болгаро-чувавшскому языку. К слову хаданг проф. В. Г. Егоров замечает: „В словаре Радлова имеются для березы формы кадын (II, 322), казын (II, 376) и кайын (в кирг. и др.). Древнетюркскому согласному „д“ (повидимому, интердентальному) в чувашском обычно соответствует „р“, а гласному „а“ начального слога—„у“. Напр., в памятниках тюркской рунической письменности имеем—адак (Памятник в честь Кюль Тегина, строка 47), в абак.—азак, а в татарск.—ајак, в чув.—ура; адгү (Кюль Тегин, строка 6), чув.—ыра — „добро, добрый“, в „тат.—изге — „святой, священный“.

⁷⁹ Интересно отметить, что в районе речки Гаушерма имеется также речка под названием Кереметь. В XVIII веке на ней были три татарских села—Старый, Верхний и Новый Киреметь, 45—50 км. от Чистополя. „Документы, касающиеся открытия Каз. наместн.“, (см. прим. 76), стр. 222—223.

⁸⁰ А. И. Попов, „Топонимика Белозерского края“. Ученые Записки Ленинградского гос. университета, № 105 (1947). Серия востоковедческих наук, вып. 2, стр. 171, удмуртское—шур, коми—шор, финское—haaga—„ветвь, сук, рукав, отрасль, сторона“. В работе „Топонимическое изучение Восточной Европы“, там же, стр. 112, А. И. Попов указывает в Коми АССР и Пермском Автономном Округе такие названия как Иваншор, Иваншер, Григошер, где первая часть составляет христианское имя, а вторая—слово „речка“.

⁸¹ См. А. П. Ковалевский „Посольство халифа к царю волжских болгар в 921—922 г. г.“, Исторические записки, № 37 (1951), стр. 193—194.

⁸² О датировке см. C. Brockelmann. „Geschichte der arabischen Litteratur“ I Supplementband, Leiden, 1936, стр. 406.

⁸³ И б н-Р у с т е. Седьмой том его энциклопедии „Книга драгоценных сокровищ“ в издании де-Гуе „Библ. арабских географов“, т. VII (1892 г.), стр. 141, с-ка 9.

⁸⁴ Там же, стр. 141, с-ка 18 и стр. 142, с-ка 6.

⁸⁵ Там же, стр. 141, с-ка 12.

⁸⁶ В издании ал-Марвази В. Минорского (см. прим. 19), стр. *21, строка 20 напечатано **بلكار**, но в сноске „е“ указано, что в рукописи все же **بلكار**. На стр. *23, строка 13 того же издания **بلغار**. См. также в „Арабской хрестоматии“ Л. З. Писаревского. Л. 1950, стр. 187, с-ка 5 и стр. 190, с-ка 16.

⁸⁷ Я к у т, „Географический словарь“ в издании Ф. Вюстенфельда (1866—1873), т. I, стр. 723.

⁸⁸ По Н. И. Ашмарину („Словарь чувашского языка“, т. X, стр. 112) современное произношение „палһар“.

⁸⁹ Ал-Мас'уди в издании Барбье де Мейнар „Prairies d'or“, т. II, стр. 14, с-ка 4 (дважды); стр. 15, с-ка 7 („царь баргаз“), с-ка 8—9 („город баргаз“). Формы эти восходят, повидимому, к оригиналу, так как в одной из рукописей ал-Мас'уди А. Я. Италинского (Рукописное отдел. Инст. востокове-

дения Акад. Наук СССР, № D 157) в этих же местах имеем те же начертания (напр., в упомянутой рукописи стр. 93, с-ки 6, 13, 14).

⁹⁰ Так, ал-Масуди по изданию Барбье де Мейнара (см. прим. 89), т. VII, стр. 133—134 говорит: „В 223 году [хиджры] выступил император Феофил, сын Михаила, с войском и с ним цари бурджан и ал-баргар“. Последняя форма имеется также и в египетском булакском издании 1283 г. хиджры. Но в двух рукописях Инст. востоковед. Акад. Наук СССР D 157 и D 175 все же „ал-баргаз“.

⁹¹ Ибн-Русте (см. прим. 83), стр. 141, с-ки 10—12.

⁹² Там же, стр. 142, с-ка 6.

⁹³ Там же, стр. 141, с-ка 18.

⁹⁴ Такую роль эта буква играла в болгарских надписях (см. Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 80—81) и в старом татарском и турецком письме. Но Ибн-Фадлан пишет болгарские имена, явно имеющие гласные заднего ряда, все же и с обычным *ت*—*т*“, напр. *باشتوا*—*Баштү* (197а 9), *طالوت*—*Т[д]алут* (207б 17). Возникает мысль, не хочет ли он этой буквой передать какой-либо особый, более звонкий звук. В частности, в данном случае, не следует ли читать „Йылдывар“? Также и Н. И. Ашмарин нечто подобное видит в начертании одной болгарской надписи—так называемой Тетюшской эпитафии (Н. И. Ашмарин, ук. соч., стр. 104. В новом издании и переводе см. у С. Е. Малова, „Болгарские и татарские эпиграфические памятники“. Эпиграфика Востока. I (1947), стр. 43—44).

⁹⁵ См. Б. Н. Заходер, „Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах“. Изв. Всесоюзного географического общества, т. 75 (1943) в вып. 6, стр. 25—43.

⁹⁶ Ал-Марвази в издании В. Минорского (см. прим. 19), стр. *23, строки 12—13. „Арабская хрестоматия“. Сост. Л.З. Писаревским. М. 1950 г., стр. 190, с-ки 15—16.

⁹⁷ В. Бартольд, „Новое мусульманское известие о [русских]“. Зап. ост. отд. Русск. археологич. общества, т. IX, вып. I—IV. Спб. 1896, стр. 262—267.

⁹⁸ В. Бартольд, Ук. соч., стр. 264, с-ка 2 и прим. 2.

⁹⁹ См. алтабаг—титул у народа азов. С. Е. Малов, „Памятники Древнетюркской письменности“, М.—Л., 1951. „Памятник в честь Кюль-Тегина“, стр. 32 (п. 43).—„аз алтабариг тутды,—стр. 42 (п. 43)—„он схватил Эльтебера азов“ и стр. 364 (указатель).

¹⁰⁰ Только четыре царя упомянуты при торжественной раздаче царем мяса (204а 10). Здесь в Мешхедской рукописи имеется пропуск, восстанавливаемый отчасти по Якуту.

¹⁰¹ Б. Д. Греков, „Волжские болгары в IX—X веках“. Историч. записки, № 14 (1945), стр. 26.

¹⁰² С. М. Шпилевский, „Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии“. Казань, 1877, стр. 338.

¹⁰³ Я не вижу никаких оснований отождествлять название этой большой „фамилии“ с явно более поздним в этих местах и иноязычным военным термином монголов „барангар“ или „бурангар“, означавшим „правое крыло войска“, как это полагает З. Валиди в ук. сочинении (см. прим. 43), стр. 191.

Скорее его можно связать с названием хазарского города Баланджар (без долготы „а“) на Северном Кавказе, жители которого после арабских разгромов 722 и 737 годов могли направиться вверх по Волге (З. Валиди, там же, стр. 192). Однако такое предположение ничем другим, кроме созвучия имен, не подтверждается.

¹⁰⁴ Ибн-Русте, Ук. соч. (см. прим. 83), стр. 141, с-ка 11.

¹⁰⁵ Там же, стр. 142, с-ка 6.

¹⁰⁶ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 106, со ссылкой на статью В. Милкаси в журнале Ethnographia, 1894, I f., 25 old.

¹⁰⁷ М. И. Артамонов, „Очерки древнейшей истории хазар“. Л. 1936, стр. 102. А. П. Смирнов, „Волжские булгары“. М. 1951, стр. 46.

¹⁰⁸ Ибн-Русте (см. прим. 83), стр. 142, строки 6—7.

¹⁰⁹ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 106.

¹¹⁰ Чувашская терминология в данном случае несколько неопределенна: ару значит и „род“ (первобытный) и „племя“. С другой стороны йах тоже значит „племя“ (напр., славян йахёсем). В то же время возможно и выражение—йах йёрки йываҫси. Было бы удобнее в научном тексте считать, что ару значит „род“; йах—„племя“; халах—„народ“.

¹¹¹ А. П. Ковалевский, „О степени достоверности Ибн-Фадлана“. Историч. Записки, № 35 (1950), стр. 288, с-ки 18—19. В издании „Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу“. М.—Л. 1939, стр. 76, с-ка 14 еще хуже: „к людям“ (хотя и с оговоркой на стр. 126, прим. 706).

¹¹² Например: „Эти люди не арабы“ (2046 16); „деньги для людей немущих, осажденных“ (205а 9). В ряде мест,—203а 8, 203б 1, 205а 16 можно уже переводить не „люди“, а „народ“.

¹¹³ Ибн-Русте, Ук. соч. (см. прим. 83), стр. 141, с-ка 18.

¹¹⁴ При обычных маршрутах в Халифате дневной переезд (станция) составлял 6—7 фарсахов, то есть 36—42 км. Значит „три дня пути“—108—126 км.

¹¹⁵ См. прим. 56.

¹¹⁶ А. И. Попов, „Буртасы и мордва“. Ученые записки Лен. гос. уни-вер. № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2 (1947), стр. 199—210.

¹¹⁷ Умняков И. И., „Самая старая турецкая карта“. Труды Самаркандского гос. пед. инст. им. А. М. Горького, т. I, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 103—131. Карта между стр. 112 и 113. Здесь „Сувар“ обозначен точкой, но точками обозначены также и русы и славяне.

¹¹⁸ См. в статье А. П. Ковалевского „О степени достоверности Ибн-Фадлана“. Историч. записки, № 35 (1950), стр. 288, прим. 140.

¹¹⁹ В арабском языке при собирательных „народ“, „партия“ и т. д. обычно ставят как местоимения, так и глаголы во множ. числе.

¹²⁰ То же „й“ поставлено и в издании арабского текста Ибн-Фадлана у З. Валиди, Ук. соч. (см. прим. 43), стр. 33, с-ка 7 (см. также стр. 75, прим. 2). При этом этот автор предполагает, что это древнетюркский титул—буйруг или буйрук. Однако, во-первых, в таком случае арабское написание все же было иное, а во-вторых, рассмотрение параллельных мест у Ибн-Фадлана показывает, что в данном случае речь идет не о титуле, а о личном имени.

¹²¹ Однако проф. В. Г. Егоров к этому замечает: „В историческом разви-

тии чувашского языка не все тюркские слова, начинающиеся лабиализованными гласными „у“ и „о“, приняли протетический звук „в“. Напр.: чув. и тюрк. урам—„улица“, усал—„зло“, „злой“, уха (тюрк.—ок, ук)—„лук“, „стрела“, но варман—„лес“, выран—„место“, ватар—„тридцать“ и др., вместо урман, урын, отуз, утыз.

¹²² „Повесть временных лет“. Изд. Акад. Наук СССР. М.-Л., 1950 г., ч. I, стр. 80.

¹²³ Исторические Записки, т. 37 (1951), стр. 206 и след.

¹²⁴ Н. И. Ашмарин, „Болгары и чуваша“, стр. 93

¹²⁵ Ярким свидетельством этого является чувашское слово „хатёр“—„готовый“ от арабского حاضِر—хадир. Здесь средняя согласная—эмфатическое ض—„д“—воспроизводится в соответствии с арабским произношением, превращаясь в соответствии с чувашской фонетикой в глухую согласную „т“. В то же время в персидском, [таджикском, а отсюда и во многих тюркских языках, этот арабский звук произносится как „з“, что в чувашском должно бы дать „с“. Ср. башк.—э Зер, тур.—hazır и т. под. Мне кажется, что вопрос об арабских заимствованиях в чувашском языке заслуживает дальнейшего тщательного изучения.

¹²⁶ А. П. Смирнов, „Волжские болгары“, 1951, стр. 174—175.

¹²⁷ Ук. соч., стр. 234.

¹²⁸ Ук. соч., стр. 263. Однако, на стр. 257 сказано о находках керамики, встречающейся в „поздних слоях добулгарских городищ“. Такие фрагменты будто бы даже составляли 10% всего количества обнаруженной посуды. Аналогичное противоречие находим в этой работе и относительно большого „дома-дворца“ в Суваре. На стр. 251 определенно сказано, что здание построено „к концу X—началу XI века“. То же на стр. 253. А на стр. 137 „суварская постройка“ отнесена к домусульманскому периоду. Думаю все же, что это здание не могло быть построено раньше города Суvara и его укреплений.

¹²⁹ Ибн-Русте, Ук. соч. (см. прим. 83), стр. 142, с-ки 1—4.

¹³⁰ Так как эти деньги за пределами страны теряли свою ценность.

¹³¹ Ахмед Туси, „Чудеса творений и диковинки созданий“. Рук. Инст. востоковед. Ак. Наук СССР, Ms. От., D 129 (из собрания С. Ф. Ольденбурга), стр. 169а—169б.

¹³² Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете им. В. И. Ленина. Том XXXIII, вып. I, Казань, 1926 г. стр. 29—60. См. также R. Vasmer „Über die Münzen der Wolga-Bulgaren“. Wiener numismatische Zeitschrift. B. 58 (1925).

¹³³ Р. Фасмер, Ук. соч., стр. 43.

¹³⁴ Там же, стр. 30—31.

¹³⁵ Там же, стр. 29—30, 42—43. Вместе с тем Р. Фасмер доказывает (стр. 40), что предполагавшееся здесь чтение „Сувар“, вместо „Булгар“, невозможно.

¹³⁶ Р. Фасмер, Ук. соч., стр. 36—38. Х. Френ, имея в своем распоряжении недостаточный материал, читал Мумин ибн-Ахмед, откуда возникало

предположение, что это был брат суварского князя Талиба ибн-Ахмеда,
● которм речь будет ниже.

¹³⁷ Р. Ф а с м е р, Ук. соч., стр. 33—35.

¹³⁸ Т а м ж е, стр. 41, 44.

¹³⁹ Т а м ж е, стр. 35—36.

¹⁴⁰ Ch. M. Frahn. „Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert n. Ch.“ Mémoires de l' Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg. VI Serie. Sciences politiques, histoire et philologie. Tome I, St. Pet. 1830—1832, p. 175,—tab. 2; p. 174,—tab. 3.

¹⁴¹ П. Савельев, X. Френ, а [за ними Appelgren и Hjelt полагали, что город Сувар находился на месте позднейшего Свияжска. На этом основании П. Савельев считал, что название Сувар должно на монетах читаться „Суваз“. (См. Р. Фасмер, Ук. соч., стр. 33, прим. 1). После того как было установлено действительное местонахождение Суvara на реке Утке, предположение о чтении „Суваз“ на монетах теряет всякое основание.

¹⁴² Сборник „Происхождение казанских татар“, Казань. 1948 г., стр. 90—107.

¹⁴³ Н. Ф. Калинин, Ук. соч. (см. прим. 142), стр. 104.

¹⁴⁴ З. В а л и д и, Ук. соч. (см. прим. 43), стр. 201.

Формы конечного „н“ „з(р)“ в арабской графике
VII—XIII веков
(К стр. 12 и 14—15)

	н	з(р)
643 (Египет)		
2. 688—689 (Басра)		
3. 718—719 (Ср. Азия)	^{а σ ϑ} 	
4. 891 (Мерв)		
5. 983 (Иран-Средняя Азия)		
6. 1025 (Хорезм)		
7. 1065 (Иран-Средняя Азия)		
8. XII нач. XIII в. (Мешхедская рукопись)		
Современные формы		

Примечания к таблице

1. Расписка полководца Абдаллаха ибн-Джабира в Египте на овец, взятых им на прокормление своих войск, 22 года хиджры (643 г. н. э.) В. К. Крачковская. „Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в.“. Эпиграфика Востока, VI (1952), стр. 69 и таблица III.

2. Надпись на кувшине из Басры, М. М. Дьяконов, „Об одной ранней арабской надписи“. Эпиграфика Востока. 1 (1947), стр. 7.

3. Письмо согдийского правителя Дивашти. В. А. Крачковская и акад. И. Ю. Крачковский. „Древнейший арабский документ из Средней Азии“. Согдийский сборник. Ленинград 1934 г. Вставная репродукция между стр. 54 и 55. (Алфавит этого документа: В. А. Крачковская. „Памятники арабского письма в средней Азии до IX в.“, таблица VI):

а) строка 10—من

б) строки 2, 12—من; 8—ان; 10, 14—فان; 11—سليمان

в) строка 8—طرخون

г) буква „p“ (з* в документе не встречается), строки 2, 3, 8, 9, 10, 12—الامير (в разных комбинациях);

8—البريد; 13—يامر; 12—را; 10—بخير; 9—ذكر; 9—طرخان

4. Шелковая льняная ткань из Мерва. В. А. Крачковская. „Эволюция куфического письма в Средней Азии“. Эпиграфика Востока. III (1949)., таблица между стр. 4 и 5, рис. 5—слово الرحمن и др.

5. Рукопись сочинения ас-Сирафи. В. А. Крачковская. „Эвол. куф. письма“, стр 12—13 и табл. III между ними:

а) строка 1—من

б) строка 1—اخبار

6. Автограф Бируни (973—1048). В. А. Крачковская. Ук. соч., табл. IV (между стр. 12 и 13), рис. „a“—الرياح; الساكن

7. „Фармакология“ Муваффака, Переписчик из Туса. В. А. Крачковская. Ук. соч., табл. IV, рис. „в“:

а) строки: 2—اذهان; 8 и 11—دهن; 5—طويان

б) строка 4—الجوز

8. Мешхедская рукопись. Текст сочинения Ибн-Фадлана—Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу“. Перевод и комментарий под ред. И. Ю. Крачковского. 1939. М.—Л. Приложения—фототипические снимки. Страницы и строки:

а) 2086 11—سهال (вместо — سهاز); 2036 4—جاوشين

(вместо جاوشيز).

б) 1976 14. См. примеч. 20 к тексту.

в) 2016 1—الخبز; 208a 3—الخزر; 2086 10, 16—جاوشير

Замечательно, что эта старинная форма слегка изогнутого (но не круглого) нуна нашла свое отражение в стихе Хафиза, где сказано, что кипарис в сравнении со станом красавицы „точно нуи перед алифом“. (Антология таджикской поэзии“. Под ред. И. Брагинского и др., Москва, 1951 г., стр. 396).

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. Г. ЕГОРОВ (отв. редактор), Н. А. Андреев,
П. Г. Григорьев, Т. Г. Гусев, В. Л. Кузьмин.

НТ 00320. Сдано в произв. 27. II. 54 г. Подписано к печати 20/V-54 г.
Объем 4,00 п. л., 4,20 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₁₆. Тир. 2.000 экз. Зак. № 978.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР.
г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

Цена 2 руб. 90 коп.